

С. Н. Жеребцов

**Психология
переживаний личности
в динамике культуры**

*Античность
Средневековье
Возрождение*

Мозырь
«Содействие»
2013

Жеребцов, С. Н. Психология переживаний личности в динамике культуры : Античность, Средневековье, Возрождение / С. Н. Жеребцов. — Мозырь : Содействие, 2013. — 184 с. — ISBN 978-985-520-717-8.

В монографии обосновывается необходимость культурно-исторического анализа в раскрытии сущности и феноменологии переживаний. Культурно-исторический подход выступает не только адекватным гносеологическим основанием исследования переживаний, но и онтологическим требованием к человеку, который может сохранить свою человечность только как историческое и культурное существо. Признавая уникальность, приватность, интимность переживаний, фиксируются их социально-психологический генезис и социально-психологическая онтология. Проанализированы взгляды на переживания мыслителей Античности, Средневековья, Возрождения, динамика этих взглядов, их использование в современной психологии. Историческая специфика представлений о переживаниях прослежена в зависимости от своеобразия самих переживаний каждой из эпох. Богатство и благополучие субъективности (переживаний) личности ставится в зависимость от её способности быть субъектом в культурном процессе.

Для психологов, философов, историков, культурологов, педагогов и всех тех, кто интересуется проблемами переживаний личности, их трансформации в социально-психологическом и социокультурном контексте.

Рекомендовано к изданию
решением заседания кафедры психологии
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»
(протокол № 6 от 25 января 2013 г.)

Рекомендовано к изданию
решением заседания научнотехнического совета
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

Рецензенты:
доктор психологических наук, профессор Я. Л. Коломинский;
доктор психологических наук Г. В. Лосик

ISBN 978-985-520-717-8

© Жеребцов С. Н., 2013
© Оформление. ОДО «Образовательная
компания «Содействие», 2013

Введение: теоретические основания исследования переживаний личности в контексте культуры и истории	11
1. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности	22
1.1. От Протагора — к Сократу	22
1.2. Платон: четыре идеи об устройстве внутреннего мира	29
1.3. Аристотель: необходимость целостности переживаний	33
1.4. Демокрит: переживания как регулятор поведения	40
1.5. Эпикурейство и стоицизм: две концепции управления переживаниями	41
1.6. Переживания в социокультурной ситуации античности	47
2. Средневековые переживания и представления о них	59
2.1. Христианство: феноменология переживаний	59
2.2. «Объективная взволнованность» Августина Блаженного	62
2.3. Экзистенциализм У. Оккама и индивидуализм Д. Скотта	68
2.4. Взаимопревращение культуры и переживаний	71
2.5. Ф. Аквинский: личность как субъект переживаний	88
2.6. Культурно-психологическая динамика средневековья: от «домашней эпохи» к «губительному отрицанию жизни»	98
3. Переживания личности и развитие представлений о них в эпоху Возрождения	105
3.1. Ф. Петрарка: творчество и принцип суверенитета личности	105
3.2. Л. Валла: наслаждение как ценность	109
3.3. Комплексное описание жизни Леонардо да Винчи	109
3.4. Внутренний мир «благовоспитанного человека» по Б. Кастильоне	112
3.5. Индивидуальность как ренессансное культурно-психологическое образование	116
3.6. Б. Телезио и Х. Вивес: идеи к овладению переживаниями	119
3.7. Практическая философия жизни М. Монтеня	121
3.8. Достоинство человека и новые функциональные органы переживания	126
3.9. Переживание как игра и чудесное превращение	131
3.10. Переживание ренессансных противоречий: становление субъекта и реализация полноты бытия	134
Закключение: переживание как свидетельство жизни	144
Список литературы	173

Заключение: переживание как свидетельство жизни

Нужно отметить, чем не является этот историко-психологический очерк. Он не претендует на то, чтобы быть своего рода генеалогической таблицей развития представлений о переживаниях, как не является он и детализированной историей переживаний личности. Важным для автора представлялось обнаружить разнообразие специфических контекстов переживаний личности, благодаря чему эти переживания получали различную определенность, а также разнообразие различных дискурсивных практик, предметом которых выступали переживания и связанные с ними феномены. Если культура задаёт специфику переживаний личности, то вполне оправданно будет использование таких словосочетаний: «переживания эллинического человека», «переживания средневекового человека», «переживания ренессансного человека», «переживания западного человека», «переживания восточного человека» и т. п.

Кроме того, генезис переживаний указывает путь к их сущности, т. е. порядок и «материал» происхождения чего-то определяет то, чем это нечто является. Мы пришли к тому, что всякое переживание содержит в себе специфическую культурную установку на способ этого переживания. Мы имеем различные эпохальные типы объективации-субъективации переживаний. У переживания есть «культурно-историческое тело». Т. е. понятие «переживание» является адекватным, если наполнено конкретно-историческим культурным и социальным содержанием. При этом не вся культура, не некий культурный мейнстрим, а тот аспект культурного богатства, который вовлечён человеком в его жизнедеятельность, оказывает решающее значение для конституирования его внутреннего мира. Вне культурной специфичности нет ни субъектности, ни субъективности. Субъекта как некоего первичного вообще нет. Образовать и разглядеть себя можно только опосредованно. Пережить невозможно, не будучи субъектом. Поэтому и пережить можно только опосредованно.

Культурно-историческая психология говорит о переживаниях, базируясь на том, что аккумулировано в хранилищах культуры и используя современные средства гуманитарного познания. Исторически переживания из бесконтрольных и бесформенных с развитием цивилизации обретают сферность, средства выражения интериоризированной культуры. И именно складываясь в предметный материал, который не только формализован, но и содержит смысл, т. е. для человека характеризуется некоей необходимостью, предзаданностью, можно что-то переживать и сознательно управлять переживаемым. В абсолютно бесформенном и бессмысленном мире переживания невозможны, как невозможна и сама личность.

Жизнедеятельность объединённых в группу людей своим результатом имеет некое совместно выработанное содержание, воплощённое в различных системах значений (язык, операции, нормы, ценности, эстетические вкусы и др.). Затем эти системы значений становятся содержанием, нормой и органами переживаний. Такое понимание социально-культурной и социально-психологической природы переживаний преодолевает очень старый постулат об индивидуальности субстанции психологической жизни. Переживания, их типичные характеристики должны трактоваться как социально-психологические феномены, укоренённые в культуре. И даже интимный внутренний мир конкретной личности вне ее системы межличностных отношений невозможен. Из этой общей идеи вытекает, говоря словами Г. Шпетта, «новый смысл, новый принцип, новый метод» [67, с. 71]. (Заметим в скобках, что указанную Г. Шпетом столетие назад новизну смысла, принципа, метода культурно-исторического исследования психологии не утратила и сегодня). Не индивид есть субстанция или субъект переживаний, а именно личность как социально-психологическое образование, определившая свой образ в культурном контексте.

Через переживания личности, через феномены этого переживания говорят именно культурные схематизмы, структуры языка, а не субъект. Что же тогда: рациональность, рефлексия, переживание внесубъектны? Или сама культура выступает таким обобщённым субъектом? Дело в том, что предзаданность культурой форм и способов познания и существования человека не означает, конечно, отсутствие его субъектности. Субъектность изначально возможна не вопреки, а исключительно благодаря социальности и культуре. И по мере развития субъектности личность вырабатывает определенное отношение к системе, в которой существует.

В изначальной попытке обнаружить вариации переживаний, а также их инвариантные свойства на линии истории, мы установили, что переживание обнаруживает, конституирует своего субъекта. При этом невозможно рассматривать переживания человека вне материальных и духовных его творений (культурных органов, артефактов), вне социальных отношений по поводу этих творений.

Ещё раз необходимо акцентировать внимание на диалектике психологических и социальных феноменов. Личность, являясь субъектом и объектом социальных отношений одновременно, именно в силу этой одновременности и в этой мере выступает носителем психологической жизни. Однако противоречие между субъектностью и объектностью социальной жизни никогда не снимается окончательно. В этом — необходимость переживаний личности. «На самом деле, — пишет В. М. Розин, — психическое и социальное складываются одновременно, выступая условием друг друга. В этом плане нет никакой интериоризации, эта схема порождена

неадекватным теоретическим объяснением» [131]. Конечно, Л. С. Выготский прекрасно осознавал взаимную обусловленность психического и социального. Но его интересовал прежде всего и в большей мере процесс психического и личностного развития, на котором он концентрировал исследовательское внимание, и для объяснения которого использовал понятие «интериоризация». *Пере-живать* что-то во внешнем мире (объект, явление) — это значит одновременно *из-живать* что-то во внутреннем. Внутренний мир реорганизуется, усвоив форму переживаемого, и входит с ним в новые взаимодействия. Внутренняя деятельность личности, её переживания оказываются опосредующим звеном между двумя аспектами культуры (культуры, детерминирующей личность, и культуры, выражающей личность). В переживании обнаруживается соответствие динамики внешних и внутренних форм. Переживания как феномен пограничный выступают, таким образом, деятельностью, развивающей и личность, и культуру. Переживание есть феномен кристаллизации бытия.

Переживания субъекта выступают уникальной концентрацией смыслов и значений, с помощью которых он «бытийствует» в данной ему жизненной ситуации. Переживание нельзя типизировать настолько, чтобы совсем оторвать его от породившей его ситуации. Переживание единично, но имеет некие универсальные характеристики. *Переживания — это процесс формирования отношения к различным жизненным ситуациям, к своему бытию в целом на основе заимствованных у культуры и в культуру же возвращенных, активностью субъекта преобразованных знаково-символических форм и ценностей.*

В соответствии с данной дефиницией можно указать на существенные характеристики переживаний.

Во-первых, переживания обычно сопряжены с какими-либо изменениями, значимыми событиями, критическими ситуациями, которые вызывают рассогласование между сознанием и бытием и которые ставят человека перед необходимостью выбора (см.: [35]). Выбор организует сознание, которое себя конституирует на жизненном пути в культурно-историческом пространстве. Рефлексивность переживания как способ совладания с изменениями, событиями имеет самое непосредственное отношение к субъектности человека: «В культурно-историческом подходе психическое развитие увязано с превращением элементарных, натуральных процессов в высшие, культурные. Главное отличие элементарной психики от культурной в том, что первая просто есть, а второй субъект владеет, т. е. он может ею сознательно управлять» [85, с. 59]. Время жизни характеризуется содержательной и смысловой определенностью. Это значит, что каждый период жизни актуализирует определенную гамму чувств, некий паттерн переживаний. Пока не произойдет очередное персоногенное событие и пока не возникнет новый функциональный орган, реструктурирующий сложившиеся схематизмы переживаний. Но не только событие, пусть и персоногенное «запускает» работу переживания. Изменчивость жизни заложена в её природе. Живое — следовательно обреченное на превращение. Самое же

невозможное обстоятельство жизни для выработки к нему полностью удовлетворяющего отношения, отношения «на всю жизнь» — это смерть.

Во-вторых, переживания являют собою единство различного уровня потребностей и воспринимаемых субъектом возможностей для их удовлетворения. Переживания, будучи отнесенными к внешней и внутренней среде субъекта, выполняют работу по иерархизации потребностей на основе ценностных приоритетов личности.

В-третьих, переживания есть «единство аффекта и интеллекта» (по Л. С. Выготскому). Единство это обеспечивается смысловой работой сознания. В переживании образность и понятийные обобщения хаотично смешиваются или определённым способом интегрируются. Только в переживании возможна интеграция того, что мысль разделяет. Характеризуя одну из своих героинь, В. Гюго писал: «Она не способна была мыслить, а значит, и по-настоящему любить...» [54, с. 228]. Переживания неправомерно рассматривать как проявление только эмоциональной сферы, на чем настаивают многие авторы (В. П. Ильин, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский). И действительно, что такое переживания человека без его рефлексии, без рационального анализа жизненной ситуации? Развитие понятийного мышления, его функционирование в структуре переживания противоречиво. С одной стороны, понятийное мышление, имевшее традицию от платоновско-аристотелевской философии, придаёт переживанию рефлексивность, раскрывает перед субъектом его внутреннюю реальность. С другой стороны, оно разрушает образность переживания, превращает предмет переживания в неподвижную, застывшую картину. Таким же застывшим, с потерей ощущения новизны, тепла, яркости, чудесности, становится и само переживание. Переживания позволяют преодолеть разрыв между разумом и чувствами, они ориентируют психолога на реальность и важность целостного, единого опыта, на единство субъективности как единство субъекта.

В-четвертых, переживание является способом восхождения к осмысленному бытию. Переживание — это постановка под вопрос своей жизненной ситуации (а, точнее, *стояние под вопросом в жизненной ситуации*). Через переживание собственная жизнь воспринимается как «мне принадлежащая». Переживание есть сознание для себя. Самоопределение посредством смыслопорождающего переживания поднимает жизненную активность на принципиально новый уровень — уровень жизненного пути.

В-пятых, переживания и по своему генезису, и по своей онтологии являются интерперсональным феноменом. Они представлены во внутреннем мире конкретного человека, но являются проявлением его социальности, его социокультурной вооруженности. Переживание само намыкает себе опору, если есть необходимость в самом переживании. Переживания поэтому есть реализация всеобщего в единичном. М. Хайдеггер называл язык домом бытия. Этот дом сконструирован из систем

значений, а содержательно наполнен смысловыми системами, динамика которых и есть бытие, психологическая жизнь человека, его переживания. Человек жив настолько, насколько он погружен в переживания. Переживания есть самое насущное для человека, есть реализация полноты его жизни. Переживания — это то восхождение к конкретному, которое дает ощущение причастности, включенности, осмысленности, свободы, творчества и одухотворенности.

Подход к переживанию как к интегративному, системному образованию, в котором представлены потребностно-мотивационные, эмоциональные, рациональные аспекты психического, которое имеет социокультурное происхождение, позволяет рассматривать его как главное внутреннее условие получения нового опыта и перестройки личности.

Таким образом, сущность переживаний обнаруживается в процессе индивидуализации социального. В индивидуализированном социальном (в личности) неповторимо сочетаются и образуют единство социокультурные образования и отношения.

Понимание личностного в нашей логике традиционно для культурно-исторической психологии. Личностное есть социальное, ролевое, вращенное и интимизированное с помощью культурных средств, в работе переживания себя обнаруживающее. Личностное есть то и в такой мере, в какой оно само себя осознаёт. Самосознание есть переживание личностью самой себя через определение своего места и назначения в социальной системе, в мире в целом. Средство первоначально предназначено для влияния на другого, а затем и на себя как другого. У каждой социальной роли свой арсенал культурных средств. Поэтому и социальное, и осуществляемое с помощью культурных средств, есть одно и то же в духе Л. С. Выготского. Р. Лэйн пишет: «Мы воздействуем на наше переживание по приказу других точно так же, как учимся вести себя в соответствии с их ожиданиями. (...) Так же, как ребенок научен двигаться в строго определенным образом, не принимая во внимание всего многообразия возможных движений, он научен переживать, не принимая во внимание всего потенциального разнообразия человеческого переживания» [100, с. 64]. Убывание внешней экспрессии переживания связано с прогрессирующей способностью переживать рефлексивно, осмысленно. В нашей логике переживание как процесс есть основной способ существования не просто психического, но личностного. Переживание есть способ существования личности (эмоции «вырастают» до переживаний, как отдельные реакции «вырастают» до целенаправленного, произвольного, сложного поведения, требующего рефлексии). Социальное, преобразующееся в личностное, само определено культурой, влияние которой на субъекта далеко не всегда осознаётся: «...Как только определенные фундаментальные структуры переживания становятся общими для всех, они начинают восприниматься как объективные сущности» [100, с. 80].

Специфичность культуры, таким образом, задаёт специфичность переживаний. Каждая культура может быть охарактеризована через *систему базовых паттернов переживания*. Базисные культурные сценарии — предпосылка для базовых паттернов переживания. В различные эпохи мы наблюдаем различные культуры переживаний. Задающие культурные формы, схематизмы, смыслы переживаний навязываются субъекту лицом силой внешней необходимости. Как говорится, мы играем ролями, которые нам сдают. Поэтому паттерны переживания даже для рефлексивных и творческих людей выступают ограничивающими реалиями, образующими их культурный и социально-психологический ландшафт бытия: «...Категориально оформленное ощущение мыслящего индивида, живущего в известную историческую эпоху, довлеет над конкретными, живыми людьми, занятыми исследованием и другими формами творческой, духовной деятельности, в качестве заранее отработанного «схематизма, знания», архетипа, априорного правила переживания, исследователем своей собственной субъективности» [104, с. 30]. Что же в культуре делает возможным личностное отношение к действительности? Думается, что это относительная развитость культуры, её сложность, противоречивость, помноженная на уникальность жизненных ситуаций, социальных ситуаций. А также смысловая, ценностная нагруженность рефлексивной личности, принимающей решение и переживающей. Культура предстает как предпосылка и условие производства и воспроизводства личностного отношения к миру. Переживания — это проявление естественности бытия, здесь-и-сейчас данности человеческого опыта. Переживания — это фиксация естественности и жизненности, причём не вопреки своему социокультурному происхождению, а именно в силу этого происхождения. Переживания социальны по сути, но индивидуальны по способу существования, они представляют собой единство сущности и существования.

Культурное давление, культурное ограничение и делает возможным как субъективность личности (её переживания), так и её субъектность (самоопределенность, произвольность активности), т. е. именно процессом ограничения культура даёт основания для свободы и духовности. От небытия — через диффузно переживаемую samость — к категориальному Я. Этот огромный путь преодолевается через развитие социальных отношений, через овладение средствами, понятиями, через образование, открывающее мир культуры и создающее собственный для субъекта внутренний мир. Без субъекта нет и не может быть субъективности. Дело в том, что переживания развиваются в связи со средствами их выражения. Здесь не просто есть переживания сами по себе и то, в чем они выражаются, т. е. их средства — сами по себе. Необходимо сказать, что *переживания не просто развиваются, но и онтологизируются через их средства*. Расширение дисперсии средств и способов говорить о переживаниях есть фактор, умножающий и качественно видоизменяющий

сами переживания. Здесь и следствие, и инструмент едины. Именно поэтому пространство бытия переживания — межличностный контекст. Для субъекта «сообщение — это не то, что добавляется к присутствию, это то, что его составляет» [11, с. 56]. Переживания имеют характер отношений, причём в прямом смысле этого слова. Переживание есть функция множественности отношений. Ситуация общения вызывает к жизни переживания, релевантные этой ситуации. В этом сокрыт потенциал обучения через переживания, потенциал психологической помощи, когда в диалоге с понимающим Другим жизненная ситуация, порожденная событием, переживается, т. е. смысловая система личности перенастраивается, и личность обретает новое бытие. Любая нетривиальная жизненная ситуация актуализирует противоположно направленные циклические процессы, которые состоят в означении смыслов и в осмыслении значений. В этом видится одна из главных причин того, что работа переживания наиболее продуктивна в диалогическом взаимодействии с Другим, Значимым Другим [146, 149]. И когда Г. Бейтсон говорит, что шизофрения — не явление индивидуального порядка, а одна из форм коммуникации, то это же вслед за ним мы можем сказать и про переживания, а также то, что с помощью коммуникации эти переживания можно трансформировать, превращать. Превращение основано на обратимости внутреннего и внешнего (например, смысла и артефакта). На основе обращения (к другому, к себе) возможно превращение переживаний.

Многие психологические затруднения (и даже нарушения) личности возникают по той причине, что выразительные формы переживания обладают относительной (и даже абсолютной) автономией. Формы переживания и средства переживания, минуя сознание, сами определяют определённые эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции: «хвост виляет собакой». Имеет место слияние человека с его «технологическими протезами». «Люди становятся рудами своих рудий», — заметил Г. Торо. Даже язык для людей — низкий уровень образования имеет более конкретное значение, чем для образованных, т. е. «привязка» к конкретной практической ситуации препятствует формированию более обобщенных средств мышления и переживания. К сожалению, в современном мире культурные автоматизмы через образование, идеологию, рекламную культуру нивелируют сознание, человек почти ничего существенно не решает, функции личности сужаются настолько, что в условиях современной цивилизации в её необходимости можно усомниться. Нужно сказать, что такой ограниченный способ бытия повышает в известном отношении удовлетворенность жизнью, поскольку приглушается экзистенциальная проблематика, экзистенциальная тревога (в том смысле, как её трактует Р. Мэй).

Профилактикой подобного положения может выступать включение личности в богатую, разнообразную, противоречивую культурную среду, или в поликультурное пространство. В этом состоит задача общего

образования, общего культурного развития человека, а не только специального, узкопрофессионального. Например, язык как знаково-символическая система, отражающая бесконечное множество социальных и межпредметных связей, является «орудием свободы» в образовании переживаний. Интересно, что у М. Фуко и других представителей французской мысли середины 20 века язык выступает средством управления, власти, ограничения [153], а у Ю. Хабермаса — средством развития, обогащения, самораскрытия, обращённости личности к другой личности [155]. Конечно, язык выступает и ограничивающей системой, и расширяющей возможности личности одновременно. И в силу этих своих свойств он и делает возможной саму личность как вполне реальное существо, но обладающее свободой в мысли, в действии, в переживании. Человек выступает субъектом, который осознанно в соответствующей жизненной ситуации выработывает своим переживанием посредством доступного ему культурного материала необходимое отношение к другому, к себе, к миру: «собака виляет хвостом». Для этого необходимо усилие бытия, создательное для понимания и самоопределения, определения отношения к жизненной ситуации, которая в современном мире преобразуется катастрофически быстро.

По Л. Н. Баткину «у каждой культуры — собственное «варварство», свой особенный «хаос», который подтопляет её берега и составляет помеху, но в то же время предпосылку — изнанку и почву — угрозу и предмет возжелания — короче, плотную материю для пере-создания» [14, с. 144]. Всё это безусловно верно и для культуры переживания, в которой система функциональных органов образует «плотную материю» как опору и средство превращения, «пере-создания».

Переживания есть процесс выработки способа существования, способа бытия, но поскольку жить одним способом, однажды определённым личностью, невозможно, то само переживание является необходимым условием и способом бытия личности в изменчивом мире. Переживания обусловлены, говоря словами М. Бахтина, «вечной неготовностью бытия». Динамизм, процессуальность, интенсивность переживания определяются экзистенциальной открытостью человека к бытию и устремлённостью к свободе и творческому развитию. Переживания есть извлечение гармонии из хаоса и превращение гармонии в хаос. Противоречие, орудие как средство его разрешения, осознание, сомнение, переживание, выбор, свобода, субъект, личность, творчество, превращение — всё это феномены, увязанные в единый узел существования человека. В этой связи переживание — далеко не только психологическая, но и фундаментальная экзистенциально-онтологическая категория.

Раз созданные функциональные органы переживания (сформированные способности переживать) требуют пищи для своего существования. Как это показано М. Чиксентмихайи, если человек не включается в решение достаточно сложных жизненных задач (на верхней границе своих способностей, на верхней границе того, что можно сделать с помощью

имеющихся органов), то он, скорее всего, не будет счастлив, не будет доволен своей жизнью, не сможет пережить включённость и состояние потока [161]. Органы переживания поддерживают себя с помощью всё нового функционирования, постоянного установления и разрушения границ, когда возникает желание жить на грани возможного [11, 115]. Переживание от утилитарного функционирования (сориентироваться, выработать отношение, принять решение) переходит к самоценному бытию. Не только и не столько эмоция в этом случае выступает ценностью, но переживание как феномен личностного качества бытия обретает ценность.

Упомянутая возможность превращения в переживании указывает на то, что переживание содержит игровое, творческое начало. Игра смыслами, игра контекстами рождает смех. «...Если не смеяться или не... то говорить, думать — значит увильнуть от существования: не умирать, но быть мертвым. Это значит быть в потухшем и покойном мире, где мы обычно владим свое существование; тут все приостановлено, жизнь откладывается на потом, все откладывается и откладывается... Достаточно крохотного сбоя в осуществлении проектов — и пламя затухает, буря страстей сменяется затишьем» [11, с. 92].

Если цивилизацию развивают нефть, газ, производство, технологии, то культуру — высвобождающее человека жизнетворчество. Контекст цивилизации механизмирует, угнетает переживания. Контекст культуры выступает «приглашением к развитию», как тонко подметил В. П. Зинченко, которое всегда адресовано кому-то (субъекту, личности). Контекст культуры превращает человека в историческое существо. Прошлое, в этом случае входит в отношения опосредования с настоящим. Тогда средствами, материалом, содержанием переживания становится вся жизнь данного человека и жизнь человечества.

Такова природа рефлексивного, творческого, игрового переживания как превращения, как чуда, или как чудесного превращения: направляясь в Индию, оно открывает Америку. Конечно, речь идёт о чуде в натуралистическом и в культурно-психологическом, а не в провиденциальном смысле. Чудесна природа, чудесен человек, чудесны его творения и его же метаморфозы. В силу того, что личностные превращения происходят повсеместно и каждым, можно говорить об «обыкновенном чуде». Это, конечно, не попытка отказаться от научного объяснения превращений, не попытка перейти на язык эзотерики, но подчёркивание их масштабности, неопределённости и, зачастую, мгновенности. Примером такого обыкновенного чуда выступает превращение личности в персоногенной ситуации развития.

Персоногенная ситуация развития и персоногенное переживание.

Культура в своём историческом становлении всё более акцентировала в человеке игровое начало. Игровое переживание имеет значение не только само по себе, но способствует порождению функциональных

органов (диспозиций личности). Т. е. игровое переживание, как мы отметили, выступает превращающим личность и её жизненный мир. Оно является персоногенным. Переживание, как ключевая характеристика социальной ситуации, обостряет противоречия развития. *Если в процессе творческого и игрового переживания событийно обострившихся социальных противоречий возникает возвращенное культурными средствами личностное новообразование, то в таком случае уместно говорить о персоногенной ситуации и персоногенном переживании.*

Какова необходимость, место данных понятий в тезаурусе культурно-исторической психологии?

Динамика научного познания неразрывно связана с развитием понятийного строя конкретной науки. В психологии одним из ключевых понятий является «социальная ситуация развития», предложенное Л. С. Выготским и в дальнейшем развиваемое его последователями — прежде всего Л. И. Божович. Исходя из того, что слово — единица сознания (Л. С. Выготский), можно утверждать, что психологическое понятие — это единица «клеточка» профессионального сознания психолога или, в другом смысле, единица его профессиональной психологической культуры. Понятийное знание формирует определенное поле для психологической мысли. Каждый психолог в любой ситуации профессиональной деятельности делает предположение относительно того, как человек, с которым он работает, стал тем, кем он является на данный момент. Далее психолог думает о том, какой должна быть перемена в человеке, чтобы она в наибольшей степени позволила ему выбрать самую подходящую линию жизни. Затем психолог должен выработать адекватные методы взаимодействия с клиентом, построения отношений с ним, чтобы желаемая перемена состоялась. Все эти шаги есть *теоретическая* деятельность психолога, которая доступна культурно-продуктивной личности, владеющей понятийным аппаратом психологии и способна рефлексировать относительно оснований этого аппарата.

Уже наверняка стала тривиальной идея о неразрывном единстве личности и ее социокультурного контекста развития. Однако данная тривиальная идея имеет весьма нетривиальные варианты своего развития, когда мы хотя бы незначительно углубляемся в решение вопроса: каковы механизмы реализации этого единства. Вопрос о механизмах влияния социокультурной среды на развитие личности интерпретируется по-разному в зависимости от теоретической модели развития, установленной в различных школах и направлениях (бихевиоральной психологии, гуманистической психологии, эпигенетическом подходе, концепции жизненного пути, модели экологических систем, культурно-историческом подходе и т. д.). Именно учение о социальной ситуации развития позволяет органично вписать развитие личности в социально-исторический контекст.

Понятие «социальная ситуация развития» было введено в научный оборот и определено Л. С. Выготским в качестве важнейшей характеристики возраста. На основе социокультурных факторов складывается

определенное отношение лиц ближайшего окружения (а опосредованно и дальнего окружения) к конкретному человеку конкретного возраста, а субъект личностного развития определяет ситуацию для себя, одновременно определяя себя в этой ситуации. Л. И. Божович пишет: «...Для того, чтобы понять влияние среды на формирование возрастных особенностей ребенка, следует учитывать не только те изменения, которые произошли в среде..., но и те изменения, которые произошли в самом ребенке и которые обуславливают характер влияния среды на его дальнейшее психическое развитие» [28, с. 152]. То есть содержание понятия «социальная ситуация развития», согласно Л. И. Божович, можно определить как состоящее из двух элементов: 1) объективные обстоятельства, в которых живет человек (природно-материальные условия жизни и люди, которые являются «значимыми другими»); 2) восприятие и переживание самим человеком этой ситуации. Таким образом, особенности социальной ситуации развития решающим образом определяют направление, содержание и характер развития личности в нормативном пространстве возрастного развития.

Наряду с этим, в современной психологии развития все яснее осознается необходимость конкретизации понятия «социальная ситуация развития ребенка» как в теоретическом отношении, так и для решения неотложных и важных задач оптимизации личностного развития. Необходимо также продуцирование новых понятий, фиксирующих те явления личностного развития, которые выходят за пределы объема понятий устоявшихся.

Более четверти века назад Д. Магнуссон с целью уточнения многих положений социальной психологии написал статью с характерным названием: «Требуется: психология ситуаций» [101]. Применительно к сегодняшней ситуации в психологии развития мы также можем заявить: «требуется: психология событий жизненного пути, психология истории жизни». По словам немецкого психолога Х. Томэ, не «внутренний генеральный план», а взаимодействие человека с конкретно-исторической действительностью порождает те проблемы, необходимость решать которые и порождает соответствующие свойства личности (см.: [3, с. 8]).

Описывая динамику изменения человека, мы предлагаем опираться не столько на общевозрастные, сколько на индивидуальные новообразования. «У каждого ребенка, — писал С. Л. Рубинштейн, — свой индивидуальный путь развития. Разные дети и развиваются не только разными темпами, но и проходят через индивидуально различные ступени развития... Возраст не определяет стандарта психического развития» (цит. по: [74, с. 105]). Индивидуальные линии развития предстают перед нами в виде уникальных линий жизненного пути. О гиперболизации общевозрастных особенностей и игнорировании индивидуальных писал В. П. Зинченко: «Наука о развитии предпочла вместо незапланированных

грозовых событий ввести в развитие регулярные возрастные кризисы и направить свои усилия на поиск путей их преодоления» [69, с. 131].

Жизнь человека как исторического существа, индивидуальная жизнь характеризуется неравнозначностью, с точки зрения личностных событий, различных своих этапов. Эта идея концептуализируется Л. И. Божовичом в понятии «персоногенная ситуация развития» (от латинского *persona* — личность, от греческого *genos* — происхождение) [78]. Данное понятие позволяет кроме возрастных кризисов выделить особые «событийные точки» в развитии, когда быстро и существенно меняется вся социальная и личностная жизнь человека. События, например, в межличностных отношениях приводят к персонотипической ситуации, если у человека «вызревают» необходимые предпосылки для появления новообразования. Т. е. появляется мотивация изменения, которая «делает» событие значимым (мотивационный компонент). Кроме того, человек уже достаточно развит в культурном плане, у него есть операциональный компонент, проявляющийся в способах переживания события. Чтобы соответствовать изменившейся в результате события ситуации, человеку необходимо создать новую конструкцию (идеальную форму), некий «орган». Это внутреннюю работу по его созданию М. К. Мамардашвили обозначил так: «нужно создать, чтобы испытать» (цит. по: [32, с. 32]). В качестве примера он предлагает нам обратиться к живописи: «После полотна Ренуара существует мир Ренуара, который нас окружал, но мы его не видели. А после его полотна он стал возможным. После Ренуара мы видим в мире женщин Ренуара» (цит. по: [32, с. 31]).

Эффективное использование созданной структуры, в свою очередь, развивает мотивацию человека и далее создавать новые «органы» (новообразования) для переживания нового опыта. Мотивационный и операциональный компоненты — необходимые условия персонотипичности.

На историческом материале трёх эпох мы могли убедиться, что любые научные достижения есть результат переживаний, творческих переживаний их создателей. Зафиксированные в системе значений, т. е. закодированные в схемах, понятиях, эти достижения во многом теряют «лицо автора» (его смыслы, сомнения, стиль мышления, его переживания). Но в психологии теории, пожалуй, больше, чем в других науках отражают личность автора. В психологии как гуманитарной дисциплине теории никогда не обретают законченной формы. Эти теории проблематизируют собственную реальность человека, его восприятия, отношения, переживания. Может поэтому (в ряду других причин) психология так не похожа на науку в классическом, естественнонаучном ее понимании. «Все человеческое сопротивляется объективации, — отмечает П. Тиллих, — и если сопротивление человеческого подавляется, то подавляется и само человеческое».

Если движение от замысла (или смысла) к системе значений (или к теории) невозможно без переживающего субъекта, это движение производящего, то и обратный путь — процесс понимания теории другим

субъектом — не состоится, если его переживания не актуализированы. Понимание как процесс постижения смысла — не просто познавательная процедура.

Переживания в данном случае есть процесс поиска нужных смыслов и их воплощение в подходящих знаковых системах, а также процесс дешифровки и придания смысла знаковым конструкциям, их интимизация. И если Р. Лэйнг говорит, что «теория — это ясно выраженное переживание» [100, с. 32], то мы можем в продолжение зафиксировать как минимум две идеи: 1) понять и усвоить теорию, сделать ее частью своего мировоззрения невозможно без переживания; 2) сами переживания (а не просто эмоциональные реакции) возможны благодаря теориям. *Теории являются следствием и последующей причиной переживаний.*

Здесь речь идет не обязательно о психологических теориях, поскольку любые понятия, как это было показано Л. С. Выготским, перестраивают внутренний мир личности «сверху». Любое обучение посредством вооружения понятиями и другими инструментами мышления способствует развитию рефлексии и самопониманию. Однако именно в психологическом образовании человек не только инструментально вооружается, но и само содержание психологического образования наполнено смыслами и мотивами совершенствования человеческой природы. Психология как наука — это не просто костыли, но и пища для душевной жизни. Содержание психологического знания обращает человека к самому себе. Изучение психологии уже самим этим фактом заставляет субъекта соотносить изучаемое со своей жизнью или самим собой, т. к. нет другого пути понять изучаемое.

Признание социокультурной и интерперсональной природы переживания выводит нас на необходимость широкого применения диалогического психологического образования. Диалогическая философия образования (М. М. Бахтин, М. Бубер) постулирует, что развитие личности происходит в поле взаимодействия смыслов, поэтому необходима встреча двух личностей, создающее смысловое поле превращения человека.

Психологическая культура отражающая операциональный компонент персонотипической ситуации позволяет человеку концептуализировать жизненный опыт, извлекать из любых событий, даже неблагоприятных, даже травматичных, значимые смыслы, открывать новые переживания, новые решения и идеи, дополнительные возможности и перспективы. Он становится более неизвестным и, следовательно, в большей степени психологически здоровой личностью. О человеке с низкой психологической культурой, о том, кто не в состоянии «вычерпать» для себя смысл происходящего, писал и С. Маршак: «Но часто жизнь бывает к нам сурова: / Иному век случается прожить, / А он не может значащее слово / Из пережитых горестей сложить» (цит. по: [30, с. 174]).

Персонотипическая ситуация как бы резонирует на внутреннюю predisposition, сензитивность личности, которая всей своей историей

жизни была подготовлена к новому пониманию себя и мира. К извлечению новых возможностей для себя человек приходит в процессе зачастую длительного внутреннего диалога. И тогда какое-нибудь банальное стечение обстоятельств вызывает скачок в развитии. Такое событие «ударом случая» (М. К. Мамардашвили) может «вырвать субъекта у себя самого» (М. Фуко). В этом смысле персонотипические события случайны и закономерны одновременно.

Персонотипическая ситуация развития характеризуется следующими признаками (которые одновременно можно рассматривать как этапы ее протекания).

- Изменение объективных условий (социальной среды), послуживших непосредственным фактором личностных изменений. Это лучше всего описывается через понятие «события», которое в каждом конкретном случае имеет свои характеристики (время, место, окружающие люди и другие обстоятельства), которые создают определенное поле для действий субъекта.

- Переживание изменившихся условий (их восприятие, интерпретация и ассимиляция). Каждый человек данного возраста, пола и личностного склада сензитивен к определенным типам событий, что диктуется задачами его индивидуального развития. Поэтому осознание и переживание события уникально и неповторимо. Данную внутреннюю активность можно определить как особые *персонотипические переживания* по переработке воспринятых изменений во внешнем и внутреннем мире, которые сопровождают построение нового Я. В жизни человека это напряженный момент, в котором присутствуют сильные эмоции и большая физическая и психологическая энергия. Персонотипичность переживаний подчеркивает событийный (резкий, революционный) характер изменений, которые можно описать как инсайтное открытие. Эти переживания могут быть доступны другому не только и не столько через изучение общевозрастных особенностей, сколько через эмпатическое понимание всей истории жизни данного человека и основных феноменов его актуальной ситуации. Персонотипические переживания существуют как психические феномены, в которых слиты эмоциональные, волевые и интеллектуальные компоненты. Таким образом, персонотипическая ситуация может быть охарактеризована не столько объективными признаками, сколько субъективными, так как она возникает вследствие интерпретации личностью данной ситуации, придания ей определенного смысла. Анализ определенного события с позиции наблюдателя ничего существенного может не обнаружить, но сам человек это же событие интерпретирует так, что созданная им модель ситуации заставляет в корне перестраивать его личность. То есть субъективная интерпретация не является зеркальным отражением внешней ситуации. Но не является она и продуктом произвольного «конструирования реальности». Персонотипическое переживание изменившихся жизненных условий — результат именно взаимодействия между человеком и ситуацией.

■ Последствия изменений микросреды, воспринятых субъектом, характеризующиеся появлением существенного новообразования, причем в достаточно сжатый промежуток времени. Противоречие между устремлениями человека и условиями его жизни достигает своей кульминации, в персоногенную ситуацию вовлекается вся личность. Она резко становится другой не только на уровне мотивов и потребностей, меняются ее установки, ценностные ориентации, убеждения, самосознание, цели и смысл жизни, что определяет характеристики последующего этапа жизненного пути. Новообразование качественно перестраивает психологическую жизнь, происходит отказ от использования старых схем и способов организации внутреннего мира.

Человеческие переживания, размышления, продуцированные событием, решают задачу по построению новой диспозиционной системы, посредством которой можно было бы более эффективно воспроизводить жизнь, то есть придавать смысл своему дальнейшему существованию и эффективно функционировать в новых условиях. Адаптация к измененным условиям жизни переопределяет отношение к себе и к миру. Причем сам процесс адаптации в персоногенной ситуации (и в этом ее особенность) происходит не постепенно (адаптация как привыкание, или как научение), а в виде инсайтного открытия. Персоногенная ситуация относится к симультанным феноменам, т. е. к одномоментным. Но симультанность должна быть подготовлена научением, овладением психическими процессами, поведением, переживаниями. Симультанность есть понимание, которое требует средств и условий.

Персоногенное событие расшатывает сложившиеся функциональные системы. Это расшатывание приводит к растерянности и даже к смятению, но дает большую степень свободы и имеет генетическое значение. Человек благодаря этому расшатыванию становится более чувствительным. Персоногенное событие поэтому, перед тем как привести к новообразованию, разрушает сложившуюся систему отношений человека к другим, к самому себе, к миру в целом. Событие является, с одной стороны, препятствием, сопротивлением на пути развития личности, с другой стороны — переходной формой к ее новым возможностям. Ретроспект и проспект человеческой жизни могут сойтись, образуя персоногенную ситуацию развития. Кризис состоит в том, сможет ли личность выдержать (пережить) радикализм изменений.

Таким образом, событие служит непосредственным *фактором* (можно было бы сказать возможностью, приглашением к развитию), *причины* персоногенной ситуации обусловлены внутренними интенциями человека, *источником же, материалом* образования новых свойств выступают исторически данные культурные образования (понятия, знаки, символы, ценности, схемы, операции, нормы). Такое понимание может быть и не снимает противоречие «человек — мир», «внутреннее — внешнее», но открывает возможность увидеть целостный феномен «человек-в-ситуации».

Персоногенное переживание есть онтологизация человеческого, есть свидетельство жизни. Дело в том, что «сущее считается сущим постольку и в такой мере, в какой оно вовлечено в эту жизнь и соотносено с ней, т. е. переживается и становится переживанием» [162, с. 5].

Включенность личности в систему разнообразных, динамичных отношений с другими пробуждает в ней внутреннее многообразие, активизирует сложную внутреннюю работу. Различия социальных ситуаций побуждают человека быть гибким. Люди всегда могут выбрать что-нибудь из «шведского стола» своей культуры, для того чтобы соответствовать требованиям различных ситуаций. Несогласие человека самому себе, несоответствие своим идеям, чувств, способам поведения — источник личностного развития. Наверное, наиболее важная идея концепции личностного развития в современном мире состоит в том, что это развитие есть *единство разнообразия, разнообразия миров, находящихся в диалоге друг с другом*.

Дело в том, что стабильность личности — это не «тишь да гладь». Кажущееся равновесие поддерживается сложным балансом множества разнонаправленных сил. Это равновесие достаточно устойчиво и может какое-то время гармонизировать внешнему контексту. Но если все же оно нарушается, то изменения приобретают лавинообразный характер, поскольку высвобождаются мощные силы, уже до этого существовавшие внутри личностной системы. Персоногенную ситуацию следует рассматривать как функциональную систему, психологическое значение каждого из элементов которой не может быть определено независимо от других. Различные описания ситуации человека через реконструкцию отдельных (пусть и ведущих) элементов будет напоминать хорошо известные описания слона, исследованного слепцами. Поэтому позитивистский подход с его факторным анализом и коэффициентами корреляции в изучении персоногенной ситуации и персоногенных переживаний наталкивается на непреодолимые препятствия, поскольку «тонкие особенности ситуации», «смысл ситуации» в конечном итоге становятся решающими в появлении у человека какой-то диспозиции, какой-то логики переживания и определенной линии поведения.

Персоногенная ситуация — это совершенно новая точка жизненного пути человека, точка, где теряется его непрерывность и самоидентичность. Очень точно феноменологию подобных изменений описывал Л. С. Выготский: «...Ребенок в очень короткий срок меняется весь в целом, в основных чертах личности. Развитие принимает бурный, стремительный, иногда катастрофический характер, оно напоминает революционное течение событий как по темпу происходящих изменений, так и по смыслу совершающихся перемен. Это поворотные пункты в детском развитии...» [42, с. 249].

Близка в своих рассуждениях о развитии личности в контексте жизненных ситуаций к сущности персоногенной ситуации (хотя специального

термина не предлагает) Е. Ю. Коржова: «Если полагать, что процесс развития человека происходит непрерывно на протяжении всей жизни, то становится ясно, что этот процесс сопровождается непрерывными изменениями как личности, так и ее жизненных ситуаций. Однако наиболее значимыми являются такие изменения, которые приводят к существенным трансформациям ситуации, т. е. к событию, и к своеобразному новому «рождению» личности. Таким образом, на протяжении жизненного пути возникают и исчезают все новые и новые ситуации и «личности» [81, с. 280—281].

Необходимость введения понятия «персоногенная ситуация развития» связана еще и с тем, что индивидуальные различия как бы перевешивают возрастные, социотипические. Существенные различия в личностных характеристиках между представителями одного и того же биологического возраста предопределены различиями на жизненном пути и внутренней позицией каждого индивида.

Таким образом, *персоногенная ситуация развития представляет собой ситуационный микросоциальный феномен, который так когнитивно и аффективно воспринимается и переживается субъектом, что вследствие этого ведет к резкому возникновению существенных личностных новообразований.*

Персоногенная ситуация — это в первую очередь микросоциальный феномен, феномен межличностного взаимодействия, строящегося на основе диалога в исторически данном культурном пространстве. В продуцировании новых идей и обретении новообразований невозможно «натуральное хозяйство». Идеи, изъятые из обмена (и диспозиции личности, оторванные от своего предмета — другой личности), обречены на вымирание, поскольку только в диалоге можно «думой думу размышлять».

Две теснейшим образом связанные между собой функции диалога — мыслепорождающая и смыслоформирующая — рельефнее всего проявляются именно в персоногенной ситуации. Процесс формирования смысла М. М. Бахтин называл «актом откровения» личности в процессе общения. А Л. С. Выготский любил говорить, что мысль рождается в слове. Мысль рождается в попытке найти нужное слово, обращенное к Другому, а затем и к самому себе.

У. Оккам, И. Ньютон призывали не умножать количество сущностей без необходимости. Но если такая необходимость назрела? Если логика нашего мышления подталкивает нас к этому, если необходимо понятие, фиксирующее комплекс ситуативно-личностных изменений, обусловленных конкретным событием жизненного пути конкретной личности, то оставка перед открытием новой сущности (перед введением нового понятия в тезаурус психологии развития) по меньшей мере приводит к сдерживанию дополнительных возможностей понять многие аспекты развития личности в контексте жизненного пути и в пространстве культуры.

Познание зависит не только от эмпирического материала, но также и от понятий, которыми этот материал обработан. С другой стороны, сама эмпирия может быть не обнаружена, если нет соответствующего понятия. Введение понятия «*персоногенная ситуация развития*» позволяет конкретизировать более широкое понятие Л. С. Выготского — «*социальная ситуация развития*». Если последнее из них описывает и объясняет нормативные кризисы, то предыдущее — кризисы, обусловленные событиями жизненного пути, которые могут не вписываться в картину общевозрастной динамики. Персоногенная ситуация развития — это своеобразный гипотетический конструкт, позволяющий описывать возникновение личностных новообразований в своем собственном жизненном пути.

Персоногенные переживания — это такой способ совладания с событием, с кризисной ситуацией, который приводит к творческой самореализации и саморазвитию. Тогда *неврозогенные переживания* будем характеризовать как защитное поведение, порождающее психосоматическую симптоматику. Но при более внимательном рассмотрении мы увидим, что один вид переживания не всегда исключает другой, а даже его с необходимостью предполагает.

Психосоматический симптом — это полноценный акт поведения, внутреннего поведения, схематизм переживания, при котором жизненная значимость не находит своей реализации. Задача психолога и клиента: вскрыть смысл этого дезадаптивного схематизма. Психосоматический симптом — это не очень удачная попытка разрешить конфликт, не очень эффективный схематизм переживания. Дело в том, что психика человека есть своеобразная политическая система, и политическая борьба (переживание) востребует симптом как аргумент, т. е. определённые аспекты личности (некие политические силы) получают преимущества благодаря болезни, симптому. Какие? — этот вопрос может вскрыть механизм неврозогенного переживания.

Этот симптом — неудачная попытка адаптироваться, для чего возникают и свои «органы», новообразования. Поэтому *неврозогенное* переживание может быть одновременно и *персоногенным*. Симптом — это сигнал для личности, призыв очнуться, перейти с уровня эмоционального, психофизиологического функционирования на уровень личностного бытия, осмысленного бытия, уровень переживаний (умереть, чтобы родиться: именно в этом смысле Выготский говорит о личностном развитии как о драме и приводит фразу: «Жить — значит умирать»). В этой связи он предлагает дилемму: смерть при жизни, или смерть для жизни. Именно поэтому, наверное, глупо говорить о гармонично развитой личности как о некоем идеале, именно поэтому, наверное, так много великих людей с психосоматикой (Ф. Достоевский, Л. Толстой, С. Дали, А. Чехов, М. Гоголь, А. Пушкин, Л. Выготский, Р. Мэй и др.).

Назначение персоногенных переживаний — порождать новые формы жизни. Уместно говорить о *превращении через переживание* (метаморфозы

личности у Выготского). Данное превращение возможно с помощью культурных средств. Погружение в мир артефактов науки, искусства есть процесс превращения, есть процесс открытия чего-то нового, ранее не бывшего. Создать функциональный орган (по А. А. Ухтомскому), чтобы пережить, испытать и, следовательно, превратиться. Любая встреча с научным достижением или с произведением искусства, с авторитетным человеком или просто с подходящим словом, образом в критической ситуации — шанс для трансформации, для превращения. Культурная динамика и производная от неё динамика переживаний человека, стремящегося к максимуму жизни, и есть та сила, которая превращает человека.

Часто бывает так: человек без симптомов психосоматических, но с синдромами личностных нарушений. (Вся жизнь бессобытийна). Персоногенность как способ жизни — противоположность бессобытийности. Персоногенность, пусть и с симптомами, пусть с неврозогенными аспектами, но с переживанием новизны, есть реалистичный путь совладания с кризисом, путь драматичного личностного развития, имеющего как культурный феномен значение и для других. У Л. М. Баткина есть выразительные слова, описывающие такой путь: «Трагический, но и весёлый голос того, кто вышел на беспримерное приключение своей жизни — чтобы справиться с нею, т. е. чтобы она стала подлинно и только его жизнью, следовательно, значимой также для других. И чтобы довести это приключение до сколько-нибудь достойного конца» [14, с. 158].

Поэтому для работы с человеком в кризисной ситуации необходима психотерапия, основанная на культурно-исторической психологии. Не только и не столько психоанализ, не только и не столько работа с телом, не только и не столько модификация поведения. Но: помочь человеку понять смысл проблемной ситуации или симптома — это значит вывести его из сил, им скованные, «развязать силы для бытия» (М. М. Бахтин). Работа по развитию персоногенности переживания — это, прежде всего, работа со смыслом. Субъектом этой работы выступает целостная личность. Такая психотерапия не отрицает, а с необходимостью предлагает и другие психотерапевтические технологии, но использует их в «снятом» виде, как специфические культурные средства разрешения специфических личностных затруднений.

Переживания как ценность

Переживания изменялись в ходе истории не только своим содержанием, механизмами, средствами, но и тем значением, которое они имели бескорыстно к своему «результату». Сама формулировка «переживания как ценность» взята в подражание Б. И. Додонову, написавшему замечательную книгу «Эмоция как ценность» [62]. Эмоции, по Додонову, выполняют много важных функций, в которых отражается их ценность. Главное в том, что эмоции сами по себе являются ценностью. В этой книге автор трактует эмоции чрезвычайно широко, включая в их состав переживания. Подробный анализ соотношения понятий «эмоции»

и «переживания» еще ждет своего часа, здесь же только отметим, что переживания, представляя собой единство аффекта и интеллекта (Л. С. Выготский), выступают интегративным процессом выработки отношения к постоянно меняющейся жизненной ситуации человека. Но переживания не только выполняют служебную функцию адаптации к жизненной ситуации или к ее преодолению, они, как и эмоции, ценны сами по себе, являются самоценными, хотя в отрыве от «внешних» функций «внутренние» просто невозможны.

Идея ценности связана с идеей предметности. В отечественной психологии выпукло показана и обоснована предметность действия (внутреннего и внешнего). Необходимо указать на предметность переживания. Преобразовательный характер внешней и внутренней активности как раз и отражает предметность этой активности: преобразуется всегда что-то (или кто-то). Внешний предмет переживания от внутреннего зачастую далеко разному диалектическому сознанию отделить трудно. Ф. М. Достоевский, переживая такую трудность, изрёк: диалектика кончилась и началась жизнь.

Попытаемся, всё же, определить, для кого и по каким причинам переживания представляют ценность.

1) *Ценность переживаний для личности*, для ее развития и качественного бытия. Если благодаря эмоциям организм непрерывно остаётся в русле оптимальных жизненных функций, то личность, являясь субъектом переживаний, ищет и находит формы, механизмы, смыслы, темы бытия и идеалы для более совершенной, с её точки зрения, жизни. Процесс развития крайне противоречив. Переживания как раз и направлены на разрешение антиномий человеческого бытия, благодаря чему и возможно развитие. Ю. Бондарев, говоря о С. Есенине, отмечает: «Дух его борется, мечется в поисках и растёт» [29, с. 6]. Но особую характеристику психологическая жизнь личности начинает обретать, когда переживания воспринимаются как самоценный опыт (со своей эстетикой, нравственной возвышенностью, глубиной понимания жизни, творческим порывом и т. п.). Переживание есть требование от бытия осмысленности и красоты, есть стремление к большей жизненности, к большей наполненности. Дж. Джойс, М. Мамардашвили указывают на особые моменты в жизни человека — епифании, под которыми они понимают вспышки интенсивного творческого напряжения, которые прерывают поток сонного, «непрожитого существования», мир готовых вещей сменяется обострённой экзистенцией в мире новых возможностей.

В переживании человек преодолевает внутреннюю и внешнюю заданность. Но при этом в переживании человек стремится обрести понимание, определенность, установить некие границы. Согласно К. Ясперсу, «границы рождают мою самость. Если моя свобода не сталкивается ни с какими границами, я превращаюсь в ничто. Благодаря ограничениям, я вытаскиваю себя из забвения и привожу в существование» [177].

Успешное преодоление преград, мешающих построению свободной и реалистичной жизни, и смирение с непреодолимыми преградами придают нам чувство личной силы и человеческого достоинства. В связи с этим уместна мысль М. М. Бахтина о том, что человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности.

Переживание необходимо рассматривать как свидетельство жизни («переживаю — значит живу»). Переживание обеспечивает выход из несуществования к присутствию. Переживания здесь из ценности-средства превращаются в ценность-цель. В бесконечных и часто бесплодных поисках разнообразных ценностей, человек может, наконец, задаться вопросом: а может быть переживание и есть единственная ценность? Ценность переживаний культурной эволюцией и воспитанием индивида формируется по механизму сдвига мотива на цель, описанному А. Н. Леонтьевым. Но феноменология ценности переживания этим механизмом, конечно, не раскрывается. С гносеологической точки зрения и другие формы жизни возможны только в рефлексивных, «культурных» переживаниях. К. Юнг писал: «Смехотворным предрассудком выглядит мнение о том, будто существование может быть только физическим. На деле же единственная непосредственно нам известная форма существования — это психическая форма. И наоборот, мы могли бы сказать, что физическое существование только подразумевается, поскольку материя познается лишь посредством воспринимаемых нами психических образов, переданных нашему сознанию органами чувств» (цит. по: [126, с. 95]).

2) Из первого вытекает признание *ценности переживания* как предмета психологического исследования. В целостности переживания, в его нередуцируемости к более частным проявлениям заключен психологизм, к раскрытию которого психологи никак не могут подобрать заветный «ключ» (метод). Но психологическое содержание раскрывается именно в переживаниях. Б. И. Додонов отмечает: «Эмоциональное переживание человека... отнюдь не синоним простого «аффективного волнения», хотя последнее и является специфической чертой любой эмоции. Если «аффективные волнения» можно уподобить отдельным звукам, то эмоциональные переживания — это музыка, секрет которой отнюдь не тождествен секрету устройства органа. В музыке звуки объединяются в мелодию не по законам физики, а по законам гармонии. В эмоциональном переживании «аффективные волнения» сменяют друг друга и сливаются друг с другом в один цельный поток, скрепленный мыслью, не по законам физиологии, а по психологическим закономерностям человеческой деятельности» [60]. Психологическая наука в основном объеме своих исследований старается формализовать, объективировать, концептуализировать, анализировать, нарушая тем самым целостность и полноту переживаний, утрачивая, а иногда и сознательно игнорируя «живой» материал, вынося за скобки собственно психологическое. По Д. Голсуорси

«психология — это выражение словами того, чего нельзя ими выразить» [26, с. 309]. Неформализуемость переживаний — это, пожалуй, основная их характеристика, поскольку, в отличие от «психологии функций», отрыв переживания от жизненной ситуации, его вызвавшей разрушает само переживание. Переживания всегда контекстуальны, разворачиваются в неповторимом, ситуативно обусловленном смысловом пространстве.

Они обнаруживаются путем анализа систем значимых ситуаций, к которым принадлежит и в которые попадает человек. Переживания раскрываются как бы на перекрестках культур различных способов человеческого со-бытия, различных контекстов. У антропологов и историков есть такое поверье: чтобы лучше понять собственный мир, надо полностью погрузиться в чужой. И в психологии давно назрела необходимость сдвига от обобщения к контекстуализации, от универсальности к гетерогенности знания.

Историк Михаил Блок, предводитель школы Анналов, пишет: «Настоящий историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, он ждет добыча» [27]. Но ещё в большей мере эти слова относятся к психологу. Психологическая наука без такой добычи есть, по словам К. Бюдженталя, «предательство человечности». Психология должна проблематизировать не столько формализованную, внешнюю по отношению к человеку реальность, сколько максимально возможную полноту его собственной реальности. Но, подчеркивая уникальность, приватность и даже интимность переживаний, не стоит забывать, что они представляют собой ярко выраженный социально-психологический феномен, т. е. они имеют социально-психологический генезис и социально-психологическую онтологию. Важно, по афоризму М. Коула, «не только то, что содержится в голове, но и то, в чём содержится голова». Дж. Дьюи напоминал, что ошибочно думать о личности как о продукте «нереальной интимности нереального Я». Нет ничего интимного, что в то же самое время не отражает физического, социального и культурного окружения. Переживание есть превращенное бытие указанных аспектов.

В переживаниях диалектически сходятся два принципа бытия психического: принцип непосредственности (акцентированный в экзистенциализме, феноменологии, герменевтике) и принцип опосредованности (особо выпукло представленный культурно-исторической психологией, а также трансакционизмом, конструктивизмом, диалогической традицией в психологии и в целом постмодернистским движением). Ведь переживание — это интенциональная, основанная на потребностях, эмоционально заряженная и в то же время осмысленная, операционализированная деятельность субъекта по поводу изменений в его жизни. Переживания возможны благодаря средствам, медиаторам. Как отмечает Ю. Бондарев, «поззия ткётся из реальности при благословенной помощи искренности и волшебства слов» [29, с. 6]. М. Хайдеггер говорил

о Р.-М. Рильке, что он — тот, кто устанавливал бытие посредством слова. Динамика жизненных контекстов, обусловленная событиями жизненного пути, вызывает необходимость переживаний. Сменяющиеся переживания, переживание как процесс и сам факт переживания есть проявление «вечной неготовности бытия» (слова М. М. Бахтина).

М. Фуко констатировал: «...Бог и человек умерли одной смертью». Нет страсти у современного человека, он десакрализировал мир и жизнь, не воспринимает их как чудо. Нет «благоговения перед жизнью» (А. Швейцер), нет осознания исключительности факта собственного существования. Он являет собой не личность и не индивидуальность, а выступает «социальным индивидом». Думается, что современная культура и личность в ней переживают кризис, который вызван острым дефицитом индивидуальности. Чтобы существовать более-менее удобно, не нужно быть индивидуальностью. Быть собой, быть неповторимым — это огромный риск, постоянные противоречия, острые переживания и, следовательно, обострённая экзистенция. Поэтому, наверное, индивидуальность — самая большая роскошь и самое большое проклятие современного человека.

Нормы в пространстве индивидуальности присутствуют, но в «снятом» виде. Они — не императивы, а ориентиры. Рефлексивно переживающему человеку в его жизни ничто не может быть предписано. Его активность есть осознанность, включенность. Любую конвенцию он принимает в расчёт. Нормы ситуативно специфичны, их много, они противоречивы, нужно переживать их динамику в смысловом пространстве личности, чтобы совладать с различными антиномиями бытия, чтобы выработать приемлемое отношение к чему-то или кому-то. Индивидуальность — это сверхнормальный человек, который может на нормы посмотреть сверху.

В разных ситуациях и состояниях личность является индивидуальностью в различной мере. Индивидуальность — это своеобразная актуальность бытия, необыденность жизни, это превращение, включение, игра. Переживание есть процесс формирования отношений, позиции, идентичности в целом. Переживание есть способ актуализации Я, обострения существования. М. К. Мамардашвили говорит о Я как о точке преодоления хаоса, распада. То, что переживание имеет все признаки игровой деятельности (С. Шварц, Й. Хелзинга), не является случайным. Интериоризованная игра, превращенная игра есть переживание. Играть может только индивидуальность. Только индивидуальность может порождать чудо, которым и является жизнь человека превращающегося, творческого переживающего.

3) Из первого и второго вытекает *ценность переживания как предмета деятельности практического психолога*. С чем имеет дело психолог, когда к нему обращается человек за помощью? Именно с переживаниями человека. Если психолог начинает работать с чем-то другим, то он просто не осознает специфики своей работы. Конечно, можно встретить и такого человека, о переживаниях которого нужно говорить осторожно,

с большой натяжкой, т. к. он живёт на уровне эмоциональных реакций, он не активен, а реактивен. Эмоции благодаря мышлению и рефлексии вырастают до переживаний. К сожалению, как кто-то удачно выразился, для объяснения психики многих современных людей не нужна психология, достаточно одной механики.

Психолог пытается помочь человеку сделать «мир вне его» «миром для него». Осуществить это можно на основе понимания сущности и феноменологии переживаний, их социокультурной, социально-психологической природы. Здесь весьма полезно осознавать различия и общность позиций интерсубъектного подхода Л. С. Выготского, идеи о диалогической форме существования личности М. М. Бахтина, понимание Я — Ты отношений М. Бубером, конституирующих сущность человека, представления К. Роллера о встрече и эмпатии как средстве достижения этой встречи. Другой человек в диалогических отношениях помогает не только осознать некие артефакты, которые, как мы попытались показать, онтологически необходимы для работы переживания. Характер переживания принципиально зависит от смыслов, которыми Другой наполняет различные аспекты жизни в партнёрском общении. Каждый человек сознательно, или неосознанно ищет ответа на вопрос: как Другой относится ко мне, какой смысл я для него имею. Или: какие живительные смыслы открываются для меня в общении с Этим Другим, с Возможным Другим. Представляет ли Другой для меня смысл? Представляю ли я сам смысл для себя?

Психолог должен выстраивать взаимоотношения с клиентом на основе осознания культурной сложности и уникальности переживающих субъектов. Ещё раз процитируем Б. И. Додонова: «Реально психолог имеет дело не с отдельными эмоциональными актами, а с целостной *психической деятельностью*, которую он называет переживанием...» [60]. Возникают и генерализируются такие переживания, которые через механизм персонотенности воплощаются в личностные образования. Эти личностные образования в психологии имеют различные названия: «самоэффективность», «самоактуализация», «аутентичность», «доверие», «креативность», «рефлексивность», «социальный интерес», «ассертивность», «эмпатия», «сензитивность», др. Они не страхуют от одиночества, депрессии, даже отчаяния, но являются в различных своих ипостасях предпосылками, внутренними условиями, функциональными системами работы переживания с конкретным состоянием или свойством. Именно такой подход во многом препятствует упрощению, уплощению психологической жизни, её редукции к психофизиологическим механизмам, построению на этой основе разнообразных манипуляций. М. К. Мамардашвили, явно намекая на бихевиоризм, позитивизм с их бесчисленными экспериментами, уводящими в «дурную бесконечность», говорил о важности понять целостного человека, а не замерять, на сколько сантиметром он подпрыгнет, если его ущипнуть.

Культурно-исторический подход к переживаниям должен опираться на использование средств всей гуманитаристики. Причём обобщения, которые заложены в саму природу научного мышления, в нашем случае будут нивелировать и даже разрушать контексты, вне которых переживание перестаёт быть собой. Как это ни парадоксально, но и валидность, и надёжность в изучении переживаний именно в качественном исследовании, в диалоге психолога и его собеседника, в интерпретации этого диалога получают максимальное выражение [116]. А вот при стандартных процедурах, измерениях и взвешиваниях, при нерелексивном, бездушном использовании всевозможных техник, мы теряем переживающую личность.

Яркую иллюстрацию необходимости быть человеком культуры и в силу этого субъектом, свободно оперирующим культурными артефактами и смысловыми позициями, можно получить, если проанализировать роль позитивистской науки в построении цивилизации. Эффективность именно позитивистских понятий в этом строительстве неоспорима. Но эта эффективность вводит в заблуждение во многих других отношениях. Если задать более широкий контекст, выходящий за пределы частных понятий и условий, то делается очевидным идеологизм такого эмпирического позитивизма, суть которого в овладении, приручении, управлении и репрессии [108]. Необходимо преодоление такой обманчивой конкретности, когда имеет место дробление и выстраивание фактов общественной и психологической жизни в упрощённую модель, которая становится легко манипулируемой. Имеет место сворачивание мышления и переживаний субъекта, подвергнутого такой научно-идеологической обработке. Чтобы развенчать это, и нужен исторический континуум.

Такой человек, находящийся в этой своеобразной метаморфозе, человек культуры и истории, не может быть просто инструментом производства, объектом поп-культуры, его не прикосновение будет заботить, не социальный успех, который, становясь приоритетной целью, как показал Э. Фромм [152], в итоге приводит к депрессивным переживаниям, к отчаянию, внутренней пустоте. Человек культуры принимает приглашение к развитию, и тогда жизнь его становится приключением, в котором много рискованных превращений. Поэтому персонотворное переживание требует не только игрового начала, но и мужества — «мужества быть», как сказал бы П. Жюльен.

Целью переживания, как игры является красота и свобода. Свободу следует позиционировать в качестве новообразования игрового переживания. Игра — сама жизнь и явлена в переживании. Реальность в игровом переживании теряет свою серьёзность, давящую необходимость, становится очеловеченной. В этом ключе даже научная деятельность для субъекта позиционируется как «в игре истины изменяющее меня самого испытание» [153, с. 278]. В очеловеченной культуре жизнь будет напоминать скорее игру, чем труд, который несёт на себе печать вынужденности,

принуждения [108]. Нужда может быть устранена без отчуждённого труда в игре, в приключении, в превращении, когда человек одно превращает в другое, и сам превращается, игровое переживание становится персонотворным. Красота выступает организующим переживание началом, приводящим его через ограничение в «хорошую форму». В то же время, рефлективное, осмысленное и осмысляющее переживание даёт форму «нетерпению свободы». И в «хорошей» игре, и в «хорошем» переживании общее то, что они сами содержат в себе удовольствие и не служат никакой другой цели. Одна из главных тенденций высвобождающего, превращающего переживания, которое конституирует своего субъекта, состоит в попытке выйти из культурной рамки, из культурной предзаданности, вообще из области культуры посредством культурных рамок, культурных артефактов, рефлексии культуры. В таком переживании заложен сам себя усиливающий мотив творчества, мотив поиска истины.

Как сегодня, различные социальные практики подвергают жизнь и душу человека испытанию на предмет человечности? Личность, став функциональной, превращается в жертву системы, отчуждается от себя. Социотипическое удовлетворяет требованиям морали, помогает самосохранению, но игнорирует нравственность. Между тем, только нравственная победа оборачивается подлинной победой его человечности. Переживание как диалог смысловых позиций предполагает, что в ситуации выбора одни предпочитают другим. Сомнение и вина здесь выступают фигурами переживания. Человечность обнаруживает себя в переживании вины, в чём следует солидаризироваться с экзистенциалистами. Сомнение как плод рефлективного, пытливого ума становится обязательным внутренним условием бытия индивидуальности.

Индивидуальность — это такая инстанция, в которой моральное «снижается» нравственным, мораль превращается в нравственность. Индивидуальность критична к нормам, они для неё крайне важны, но не абсолютны. Индивидуальность владеет нормами поведения и средствами переживания, но не наоборот. Не вещь, не миф, не идея детерминируют индивидуальность, а именно их сложное событие и в этой связи переживаемое сомнение есть сила онтологизации индивидуальности. Индивидуальность есть инстанция превращения, она через волевое усилие, рефлективное переживание человека способна «ковать себя по удобной ему форме». Индивидуальность открыта, диалогична, свободна, она — в центре всякой совместности, она аутентична, она наслаждается свободным бытием, но одновременно и страдательна, драматична, трагична. Остро переживающая антиномии своего бытия, но не теряющая себя индивидуальность, всё ещё в красной книге человечности.

Монизм позитивизма, громко заявивший о себе в эпоху Нового времени и имеющий сильные позиции и сегодня, противоречит диалогизму сознания, переживаний, диалогическому устройству мира в целом.

Возможно поэтому М. Фуко предлагает рассматривать Просвещение не как доктрину, но как своего рода установку, философский этос, предполагающий «постоянную критику нашего исторического бытия» [153, с. 439]. Позитивизм как внеисторическая наука, наука, в которой нет интерпретаций и диалогизма, в которой может быть только один верный взгляд, порождает стратегии операционализма, технологий и совладания, управления и подавления. Вооружённая таким сознанием жизнь «хороша»: в ней все проблемы решаемы, кроме главной. Знаменитое американское позитивное мышление и есть функциональный орган, обеспечивающий такую «хорошую» жизнь. Г. Маркузе предостерегает: «...Радикальное принятие эмпирического разрушает само эмпирическое, поскольку здесь говорит ущербный, «абстрактный» индивид, который переживает (и выражает) только то, что ему дано (дано в буквальном смысле), который оперирует только фактами, а не их движущими силами, и чьё одномерное поведение подвержено манипулированию. В силу этой фактической репрессии переживаемый мир — это результат ограниченного опыта, и именно позитивистское очищение сознания сводит сознание к ограниченному опыту» [108, с. 267]. Мировоззрение, основанное на позитивизме, порождает активизм, множит лишь дела и функции, не заботясь особенно о рефлексивном размышлении, экзистенциальном выборе, неотчуждённом переживании. Напротив, в рефлексивном, диалогическом, игровом переживании открывается действительное и то, чему это действительное преграждает путь к бытию. Субъект переживания всегда знает, что и содержание конкретного переживания, и его жизнь в целом могут превратиться. Для такого превращения основания являются историко-психологическим мышлением. История переживаний есть внутренне связный и одновременно открытый для трансформаций ансамбль моделей жизни и концептуальных инструментов. Вся культура, как мы отмечали и пытались продемонстрировать этой культурой, может выступить и средством, и пространством превращения, функциональным органом максимизации жизни. И тогда вполне возможно «взять в руки целый мир, как яблоко большого».

Мы не можем достичь в своём исследовании большей определенности, чем определил и конкретизировал сам предмет — переживания. Если такая определенность получается, то это — явный знак, что многое упущено. Как выразился Ф. Ницше, иногда стремление привести всё в порядок свидетельствует о недостатке порядочности. Из собственного исследовательского процесса наши установки выходят изменившимися, поскольку мы попытались придти к диалогу сознаний, в контакт с переживающими и осмысливающими свою жизнь доступными культурными средствами людьми.

«Пишь теория решает, что именно нам удаётся наблюдать», — говорил А. Эйнштейн. Вооружившись исследовательскими средствами культурно-исторической психологии, диалогической традиции, обнаруживаются

некоторые смещения в самом процессе исследования, требуемые реализацией идеи диалогизма и идеи целостности человека. Личностные переживания заданы социокультурно, но не даны извне, они предстают перед человеком таким образом, что он их воспринимает как будто они и есть он сам. Переживающая личность в этом плане обладает всеобщностью, она «открыта в человечество», она имеет смыслы, полные и насущные для всех. Идея единства субъектности и субъективности в том и состоит, что определенные универсалиями (артефактами) переживания личности выступают свидетельством её жизни, так единой и единственной.

Резюмируем. Культурно-исторический подход к переживаниям личности позволяет обнаружить, что культурный объект собой различные социальные практики, которые направлены на разрешение общей проблемы: овладение собой, своей жизнью. В этом овладении собой определяется два аспекта: развитие субъектности и связанное с этим изменение, развитие субъективности (переживаний). И то и другое осуществляется в образной культурно-исторической динамике. Сложившийся тот или иной тип культуры есть своеобразная общая культурная матрица, управляющая производством переживаний. Переживание исторически ситуативно вариативно, но в одном сохраняет некий инвариант: оно всегда есть процесс формирования отношения с помощью культурных средств. Т. е. переживание — это процесс формирования отношения к различным жизненным ситуациям, к своему бытию в целом на основе заимствованных у культуры и в культуру же возвращенных, активностью субъекта преобразованных знаково-символических форм и ценностей. Культурные формы и определяют опыт, и «о-пределяют» его, дают очертания идентичности и опору для волеизъявления, делают жизнь свободной, которая свободна именно потому, что оформлена и ограничена. Культурная инструментализация, образование личности есть двунаправленный в этом смысле процесс: ограничивающе-высвобождающий. Конститутирование себя в качестве субъекта переживания реализуется в системе культурно специфических базовых паттернов переживания. Паттерн определяет целостность переживания, за ним лежат особые ценностные относительно устойчивые образования, с одной стороны соответствующие потребностям, мотивам, «кумулярующие» их энергичность, а с другой — социокультурной реальности. Паттерн (схематизм, средство, функциональный орган) и производит, и «переносит» на себе переживание. Паттерны переживаний следует анализировать на двух уровнях: на уровне их ситуативной эффективности, целесообразности или просто оправданности; и на уровне стратегической интеграции, т. е. того, насколько переживания являются персоногенными, в какой мере они превращают личность. Переживание есть процесс изменения себя в мире и мира в себе. Личность свою жизненность обнаруживает в персоногенных переживаниях. История человека, история человечества доказывают, что жизнеспособность личности определена её способностью переживать самые разнообразные события

с персонотипным эффектом. Персонотипность переживания как возможность превращения одних форм жизни в другие реализуется с помощью средств — функциональных органов. Артефакт становится функциональным органом, когда помогает расширить не только значение, но и смысл, когда он становится инструментом смысловой системы личности. Новый функциональный орган создаёт такую динамическую смысловую систему, такую систему переживания, которая ко всем другим, существовавшим в опыте личности системам, находится и в отношении преемственности, и в отношении отрицания. Переживание имеет свойства игры. Игра, превращение формируют образ детства. И это не случайно: потенциал детства, его дух принципиально необходим взрослому в его переживаниях. Нужен он и подростку с его гипертрофией чувства взрослости. Недеформированное взрослым детство способно наполнять страстью каждое мгновение, порождать артефактом волшебство, восхищаться чудом превращения. Переживание как игра может быть освобождающим, но одновременно является драматическим, т. к. всегда связано с неким конфликтом, с рождением в личности нового и с утратой, часто безвозвратной, старого. Конфликтность, противоречивость обращает переживание к самому себе, делает его рефлексивным. Прорастанию рефлексивных переживаний в индивиде способствуют оппозиции: Мы — Они, Я — Ты, Я — Мир, Жизнь — Вечность и др. Признавая и социально-психологический генезис, и социально-психологическую онтологию переживаний, становится очевидной необходимость диалога в их превращении. Диалог выступает функциональным органом психолога по превращению переживаний в переживания и своих собственных.

Список литературы

1. *Августин, Аврелий* Исповедь / Аврелий Августин ; пер. с лат. М. Е. Сергеенко ; вступ. ст. А. А. Столярова. — М. : Ренессанс, СПб : Изд-во Сид, 1991. — 488 с. — (Памятники религиозно-философской мысли).
2. *Августин, Аврелий* О Граде Божьем / Аврелий Августин // Философия истории. Антология / сост. и вступ. ст. Ю. А. Мамелева. — М. : Аспект Пресс, 1995. — С. 20—25.
3. *Анциферова, Л. И.* Психология повседневности : жизненный мир личности и «техники» ее бытия / Л. И. Анциферова // Психологический журнал. — 1993. — Т. 4. — № 2. — С. 3—16.
4. *Аристотель* Сочинения. В 4 т. / Пер. И. М. Сидорова. — М. : Мысль, 1978. — Т. 2. — 687 с. — (Философское наследие).
5. *Арьес, Э.* Человек перед лицом смерти / Э. Арьес ; пер. с фр. ; общ. ред. С. Е. Шенниковой ; предисл. А. Я. Гуревича. — М. : Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. — 528 с.
6. *Асмолов, А. Г.* Историко-эволюционный подход к пониманию личности : проблемы и перспективы / А. Г. Асмолов // Вопросы психологии. — 1986. — № 1. — С. 28—39.
7. *Асмус, В. Ф.* Античная философия / В. Ф. Асмус. — М. : Высшая школа, 1999. — 221 с.
8. *Бандуровский, К. В.* Личность / К. В. Бандуровский // Новая философская энциклопедия. В 4 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 2010. — Т. 2. — 634 с.
9. *Бассин, Ф. В.* «Значение» переживания и проблема собственно психологической закономерности / Ф. В. Бассин // Вопросы психологии. — 1972. — № 3. — С. 105—124.
10. *Бассин, Ф. В.* О развитии взглядов на предмет психологии / Ф. В. Бассин // Вопросы психологии. — 1971. — № 4. — С. 101—113.
11. *Батай, Ж.* Внутренний опыт / Ж. Батай ; пер. с франц. — СПб. : Аксиома ; Мифрил, 1997. — 336 с.
12. *Баткин, Л. М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности / Л. М. Баткин. — М. : Наука, 1989. — 272 с.
13. *Баткин, Л. М.* О некоторых условиях культурологического подхода / Л. М. Баткин // Античная культура и современная наука. — М. : Наука, 1985. — С. 303—312.
14. *Баткин, Л. М.* Петрарка на острие собственного пера: авторское самосознание в письмах поэта / Л. М. Баткин. — М. : РГГУ, 1995. — 184 с.
15. *Бахтин, М. М.* К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/index.html>. — Дата доступа : 04.12.2010.

16. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — М. : Художественная литература, 1986. — 543 с.
17. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. — Киев : Next, 1994. — 511 с.
18. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин // Философский портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html>. — Дата доступа : 02.12.2011.
19. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М. : Искусство, 1979. — 424 с.
20. Белый, А. Воспоминание / А. Белый // Мир поэзии : литературный портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://mirpoezyi.ru>. — Дата доступа : 18.09.2011.
21. Бенедикт, Р. Хризантема и меч : модели японской культуры / Р. Бенедикт ; пер. с англ. — М. : РОССПЭН, 2004. — 256 с.
22. Бергер, П. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. Е. Д. Руткевич. — М. : Academia-Центр ; Медиум. 1995. — 334 с.
23. Бергсон, А. Собрание сочинений. В 4 т. / А. Бергсон ; пер. с фр. — М. : Московский Клуб, 1992. — Т. 1. — 336 с.
24. Бессмертный, Ю. Л. Жизнь и смерть в Средние века / Ю. Л. Бессмертный. — М. : Наука, 1991. — 280 с.
25. Библихин, В. В. Язык философии / В. В. Библихин. — М. : Прогресс, 1993. — 403 с. — (Библиотека журнала «Путь»).
26. Библия парадоксов / авт.-сост. В. Н. Зубков. — М. : АСТ : Астрель ; Хранитель, 2008. — 475 с.
27. Блок, М. Апология истории [Электронный ресурс] / М. Блок. — Режим доступа : http://thelib.ru/books/blok_mark/apologia_istorii_read.html. — Дата доступа : 25.06.2010.
28. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте (Психологическое исследование) / Л. И. Божович. — М. : Просвещение, 1968. — 464 с.
29. Бондарев, Ю. В. Незакатная звезда / Ю. В. Бондарев // Собрание сочинений. В 2 т. / С. А. Есенин. — Минск : Мастацтва, 1992. — Т. 1. — С. 5—6.
30. Борохов, Э. Энциклопедия формулов (В мире мудрых мыслей) / Э. Борохов. — М. : АСТ, 2000. — 672 с.
31. Бубер, М. Проблема человека / М. Бубер // Лабиринты одиночества / пер. с англ. ; сост. общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. — М. : Прогресс, 1999. — С. 88—97.
32. Бундес, Т. М. Проблема и психотехника самоопределения личности / Т. М. Бундес // Вопросы психологии. — 2002. — № 2. — С. 28—39.
33. Бычков, В. В. Малая история византийской эстетики / В. В. Бычков. — М. : Путь к истине, 1991. — 408 с.
34. Валла, Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Л. Валла ; пер. с итал. — М. : Наука, 1989. — 477 с.

35. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. — М. : Изд-во МГУ, 1984. — 200 с.
36. Вебер, М. История хозяйства. Город / М. Вебер. — М. : КАНОН-Пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. — 576 с.
37. Вейнсберг, И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. И. П. Вейнсберг. — М. : Наука, 1986. — 208 с.
38. Вересов, Н. Н. Культура и творчество как психологические феномены / Н. Н. Вересов // Вопросы психологии. — 1992. — № 1—2. — С. 124—128.
39. Вернан, Ж. П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж. П. Вернан ; пер. с фр. — М. : Прогресс, 1988. — 224 с.
40. Вивес, Х.-Л. О душе и жизни / Х.-Л. Вивес ; пер. С. Ю. Трохачева // Вестник Русского христианского гуманитарного института. — 2004. — № 5. — С. 343—363.
41. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. — М. : Педагогика, 1982. — Т. 1 : Вопросы теории и истории психологии. — 488 с.
42. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. Д. Б. Эльконина. — М. : Педагогика, 1984. — Т. 4 : Детская психология. — 32 с.
43. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. М. Г. Ярошевского. — М. : Педагогика, 1984. — Т. 6 : Научное наследство. — 400 с.
44. Выготский, Л. С. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. — М. : Педагогика-Пресс, 1993. — 224 с.
45. Гальперин, П. Я. Система исторической психологии Л. С. Выготского / П. Я. Гальперин // Культурно-историческая психология. — 2009. — № 1. — С. 118—123.
46. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. Г. Г. Шпет, М. Ф. Быкова. — М. : Наука, 2000. — 495 с. — (Памятники философской мысли).
47. Гиппократ О воздухах, водах и местностях / Гиппократ // Хрестоматия по истории науки и техники / [под ред. Б. А. Старостина [и др.]]. — М. : РГГУ, 2005. — 701 с.
48. Горфункель, А. Х. Философия эпохи Возрождения / А. Х. Горфункель. — М. : Высшая школа, 1980. — 368 с.
49. Григорьева, Т. П. Образы мира в культуре : встреча запада с востоком / Т. П. Григорьева // Культура человека и картина мира / отв. ред. : А. И. Арнольдов, В. А. Кругликов. — М. : Наука, 1987. — С. 262—300.
50. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Искусство, 1984. — 350 с.
51. Гуревич, А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. — М. : Искусство, 1981. — 360 с.

52. Гуревич, П. С. Философия человека. В 2 ч. Ч. 1 / П. С. Гуревич. — М. : ИФРАН, 1999. — 221 с.

53. Гусельцева, М. С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии исследований / М. С. Гусельцева // Вопросы психологии. — 2009. — № 5. — С. 17—27.

54. Гюго, В. Отверженные / В. Гюго // Собр. соч. В 6 т. — М. : Правда, 1988. — Т. 3. — 560 с.

55. Данте, А. Божественная комедия. Ад / А. Данте. — М. : Художественная литература, 1986. — 223 с.

56. Дашкова, О. Л. Психолого-исторические особенности понимания человека в творческом наследии Леонардо да Винчи / О. Л. Дашкова // Вопросы психологии. — 1988. — № 6. — С. 78—84.

57. Девяткин, А. А. Явление социальной установки в психологии XX века : монография / А. А. Девяткин. — Калининград : Калинингр. ун-т, 1999. — 309 с.

58. Де Моз, Л. Психоистория / Л. Де Моз ; пер. с англ. — Ростов н/Д : Феникс, 2000. — 512 с. — (Классики психологии XX века).

59. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей ; пер. с нем. — СПб. : Алетейя, 1996. — 160 с.

60. Додонов, Б. И. Эмоция как ценность [Электронный ресурс] / Б. И. Додонов. — 2010. — Режим доступа : http://www.koob.ru/dodonov_b/emociya_kak_cennost. — Дата доступа : 30.07.2010.

61. Ждан, А. Н. История психологии / А. Н. Ждан. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — 367 с.

62. Жеребцов, С. Н. Переживание и игра : развитие личности как превращение / С. Н. Жеребцов // Личность как предмет классической и неклассической психологии : материалы XIII Международных чтений памяти Л. С. Выготского : Москва, 13—17 ноября 2012 г. В 2 т. / под ред. В. П. Кудрявцева. — М. : РГГУ, 2012. — Т. II. — С. 472—477.

63. Жеребцов, С. Н. Переживание как способ индивидуализации личности в пространстве культуры и истории / С. Н. Жеребцов // Психология индивидуальности : материалы IV Всероссийской научной конференции, Москва, 22—24 ноября 2012 г. / отв. ред. : А. А. Купрейченко, В. А. Штроо ; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики», Росс. гуманит. науч. фонд. — М. : Логос, 2012. — С. 128—132.

64. Жеребцов, С. Н. Переживания и их концептуализация в эпоху Античности / С. Н. Жеребцов // Психологические исследования : электронный научный журнал [Электронный ресурс]. — 2011. — № 1 (15). — Режим доступа : <http://psystudy.ru>. — Дата доступа : 25.03.2011.

65. Жеребцов, С. Н. Переживания личности в эпоху Средневековья / С. Н. Жеребцов // Психологический журнал. — 2010. — № 2 (26). — С. 38—40.

66. Жеребцов, С. Н. Человек переживающий как субъект учения / С. Н. Жеребцов // Педагогическое наследие академика И. Ф. Харламова

и актуальные проблемы учебно-воспитательного процесса в школе и вузе : материалы респ. науч.-практ. конф., Гомель, 24—25 июня 2010 г. В 2 ч. Ч. 1 / редкол. : Ф. В. Кадол (науч. ред.), В. П. Горленко (отв. ред.) [и др.]. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. — С. 33—37.

67. Завершнева, Е. Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л. С. Выготского : результаты исследования семейной архивы / Е. Ю. Завершнева // Вопросы психологии. — 2008. — № 2. — С. 120—130.

68. Зинченко, В. П. Посох Осипа Мандельштама и табак Мамардашвили. К началам органической психологии / В. П. Зинченко. — М. : Новая школа, 1997. — 336 с.

69. Зинченко, В. П. Проблемы психологического развития / В. П. Зинченко // Вопросы психологии. — 1991. — № 1. — С. 1—138.

70. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. — М. : Языки славянских культур, 2010. — 592 с.

71. Иванов, В. Г. История этики древнего мира / В. Г. Иванов. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. — 300 с.

72. Иванов, Е. М. Социология субъективного / Е. М. Иванов. — Саратов : Изд. центр «Наука», 2007. — 200 с.

73. История психологии (10-е — 30-е гг. Период открытого кризиса) : лексты / [под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан]. — 2-е изд. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 364 с.

74. Калашникова, М. Б. О модели возрастной сензитивности / М. Б. Калашникова // Вопросы психологии. — 2007. — № 4. — С. 98—106.

75. Кастильоне, Б. О придворном / Б. Кастильоне ; пер. О. Ф. Кудрявцева // Эстетика Ренессанса. В 2 т. / сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. — М. : Искусство, 1981. — Т. 1. — С. 346—361.

76. Келли, Дж. Теория личности. Психология личных конструктов / Дж. Келли ; пер. с англ. — СПб. : Речь, 2000. — 249 с.

77. Когнитивная терапия депрессии / А. Бек, А. Раш, Б. Шо [и др.] ; пер. с англ. — СПб. : Питер, 2003. — 304 с.

78. Коломинский, Я. Л. Персоногенность как форма личностного развития / Я. Л. Коломинский, С. Н. Жеребцов // Психология. — 2001. — № 2. — С. 23—36.

79. Коломинский, Я. Л. Социальная психология развития личности / Я. Л. Коломинский, С. Н. Жеребцов. — Минск : Выш. шк., 2009. — 336 с.

80. Кон, И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание [Электронный ресурс] / И. С. Кон. — Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/konis01/index.htm>. — Дата доступа : 28.01.2009.

81. Коржова, Е. Ю. Развитие личности в контексте жизненной ситуации / Е. Ю. Коржова // Психология социальных ситуаций / сост. и общ. ред. Н. В. Гришиной. — СПб. : Питер, 2001. — С. 279—285.

82. Косиков, Г. К. Последний гуманист, или Подвижная жизнь истины / Г. К. Косиков // Опыты. Избранные главы / М. Монтень ; сост. и вступ. статья Г. К. Косикова ; пер. с фр. — М. : Правда, 1991. — С. 6—32.

83. Косиков, Г. К. Средние века и Ренессанс. Теоретические проблемы / Г. К. Косиков // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000—2000 : учеб. пособие / Г. К. Косиков, Л. Г. Андреев, Н. Т. Пахсарьян [и др.] ; под ред. Л. Г. Андреева. — М. : Высш. шк., 2001. — С. 8—39.

84. Коул, М. К. Культурно-историческая психология : наука будущего / М. К. Коул ; пер. с англ. — М. : Когито-Центр ; Институт психологии РАН, 1997. — 432 с.

85. Кравцов, Г. Г. Развитие психики и личности в культурно-историческом подходе / Г. Г. Кравцов // Л. С. Выготский и современная культурно-историческая психология: проблемы развития личности в изменчивом мире : материалы IV Междунар. научн. конф., Гомель, 28—29 октября 2010 г. В 2 ч. Ч. 1 / С. Н. Жеребцов (отв. ред.) [и др.]. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. — С. 58—63.

86. Крашенинников, Е. Е. Выстраивание понятия личности в концепции Фомы Аквинского / Е. Е. Крашенинников // Развитие личности. — № 3. — 2003. — С. 113—132.

87. Кун, Н. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. — М. : Летопись, 2000. — 492 с.

88. Лакан, Ж. Психология и метapsихология / Ж. Лакан // Зарубежный психоанализ / сост. и общ. ред. В. М. Лейбина. — СПб. : Питер, 2001. — С. 479—493.

89. Лакатос, И. История науки и её рациональные реконструкции / И. Лакатос // Структура научных революций / Т. Кун. — М. : АСТ, 2001. — С. 455—524.

90. Лашкевич, Т. Г. Философия / Т. Г. Лашкевич. — 2-е изд., пер. — М. : Контур, 1998. — 464 с.

91. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. — М. : Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. — 176 с.

92. Лихачёв, Д. С. Человек в литературе Древней Руси [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачёв. — Режим доступа : <http://www.lichachev.fond.spb.ru/Articles>. — Дата доступа : 30.01.2009.

93. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Из ранних произведений. — М. : Правда, 1990. — С. 391—600.

94. Лосев, А. Ф. Умозрительный и творческий путь Платона [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев. — Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/losew06>. — Дата доступа : 26.07.2009.

95. Лосев, А. Ф. История античной эстетики : ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. — М. : Искусство, 1979. — 815 с.

96. Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев. — Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/losew10>. — Дата доступа : 26.01.2010.

97. Лотман, Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. / Ю. М. Лотман. — Таллинн : Александра, 1992. — Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. — 486 с.

98. Лурия, А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов / А. Р. Лурия. — М. : Наука, 1974. — 172 с.

99. Лурия, А. Р. Психология как историческая наука [Электронный ресурс] / А. Р. Лурия. — Режим доступа : http://scepis.ru/library/id_92.html. — Дата доступа : 05.03.2009.

100. Лэйнг, Р. Д. Феноменология переживания. Райская психика. О важном / Р. Д. Лэйнг ; пер. с англ. — Львов : Инициатива, 2005. — 352 с.

101. Магнуссон, Д. Требуется : психологическая ситуация / Д. Магнуссон // Психология социальных ситуаций / сост. и общ. ред. Н. В. Гришиной. — СПб. : Питер, 2001. — С. 153—159.

102. Мамардашвили, М. К. Как понимать философию / М. К. Мамардашвили. — М. : Прогресс, 1990. — 368 с.

103. Мамардашвили, М. К. Картезианские размышления / М. К. Мамардашвили. — М. : Прогресс, 1993. — 352 с.

104. Мамардашвили, М. К. Классика и современность : две эпохи в развитии буржуазной философии / М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев, В. С. Шлырев // Философия в современном мире : философия и наука / ред. Л. Б. Гуманова. — М. : Наука, 1972. — С. 28—94.

105. Мамчур, Е. А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания / Е. А. Мамчур. — М. : Наука, 1987. — 127 с.

106. Мандельштам, О. Э. Сочинения. В 2 т. / О. Э. Мандельштам. — М. : Худож. лит., 1990. — Т. 2. — 464 с.

107. Мареева, Е. В. Пьетро Помпонazzi : у истоков культурно-исторической методологии : о наследии итал. философа XV—XVI вв. / Е. В. Мареева // Вопросы философии. — 2006. — № 1. — С. 146—159.

108. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек : исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ. — М. : АСТ, 2002. — 526 с.

109. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу ; пер. с англ. — М. : Смысл, 1999. — 425 с.

110. Михайлов, Ф. Т. Проблемы метода культурно-исторической психологии / Ф. Т. Михайлов // Сайт Владимира Кудрявцева [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.tovievich.ru>. — Дата доступа : 12.11.2009.

111. Миюскович, Б. Одиночество : междисциплинарный подход / Б. Миюскович // Лабиринты одиночества / пер. с англ. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. — М. : Прогресс, 1989. — С. 52—87.

112. Монтень, М. Опыты [Электронный ресурс] / М. Монтень. — Режим доступа : http://www.koob.ru/michel_de_montaigne/les_essais_1. — Дата доступа : 09.03.2010.

113. Москалев, И. Е. Концепция автопознания в современном научном познании : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.08 / И. Е. Москалев. — М., 2002. — 141 с.

114. Мэй, Р. Открытие Бытия / Р. Мэй ; пер. с англ. — М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. — 224 с.

115. Ницше, Ф. Весёлая наука / Ф. Ницше // Электронная библиотека ModernLib.Ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.modernlib.ru/books/nicshе_fridrih/veselaya_nauka_la_gaya_sciencia/read/ — Дата доступа : 22.07.2012.

116. Пергаменщик, Л. А. Профессия психолог : возможности качественного взгляда / Л. А. Пергаменщик // Психологические проблемы профессионального развития и профессионального образования личности : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 20—21 мая 2010 г. / Мозыр. гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина ; редкол. : В. В. Валетов (гл. ред.) [и др.]. — Мозырь : МГПУ, 2010. — С. 20—22.

117. Перлз, Ф. Практика гештальттерапии / Ф. Перлз ; пер. с англ. — М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2001. — 480 с.

118. Петрарка, Ф. Лирика. Автобиографическая проза / Ф. Петрарка. — М. : Правда, 1989. — 480 с.

119. Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека / Дж. Пико делла Мирандола // Платонизм [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.platonizm.ru/content/piko-della-mirandola-rech-o-dostoinstve-cheloveka/> — Дата доступа : 28.09.2012.

120. Платон Апология Сократа / Платон // Сочинения. В 4 т. — М. : Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 70—97.

121. Платон Апология Сократа / Платон // Сочинения. В 4 т. — М. : Мысль, 1993. — Т. 2. — С. 17—19.

122. Платон Сочинения. В 3 т. / Платон ; пер. с древнегреч. ; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса ; Акад. наук СССР, Ин-т философии. — М. : Мысль, 1971. — Т. 3, ч. 1. — 688 с.

123. Платон Три начала человеческой души / Платон // Психология мотивации и эмоций / [под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Ф. Галикман]. — М. : ЧеРо ; МПСИ ; Омега-Л, 2006. — С. 12—24.

124. Поппер, К. Предположения и опровержения : рост научного знания / К. Поппер ; пер. с англ. — М. : АСТ : Термак, 2004. — 224 с.

125. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. — М. : Наука, 1979. — 131 с.

126. Расторгуев, С. П. Система отношений информационных субъектов / С. П. Расторгуев // Рефлексивные процессы и управление. — 2005. — Т. 5. — № 1. — С. 92—99.

127. Роговин, М. С. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования / М. С. Роговин, Г. В. Залевский. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. — 234 с.

128. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1994. — 478 с.

129. Розин, В. М. Как можно помыслить тело человека, или На пороге антропологической революции / В. М. Розин // Философские науки. — 2006. — № 5. — С. 33—53.

130. Розин, В. М. Культура и психическое развитие человека / В. М. Розин // Вопросы психологии. — 1988. — № 3. — С. 123—131.

131. Розин, В. М. Культурно-историческая теория : от взглядов Льва Выготского к современным представлениям / В. М. Розин // Antropolog.ru : электронный альманах о человеке [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://antropolog.ru/doc/persons/rozin/rozin3> — Дата доступа : 25.02.2012.

132. Романчук, А. В. Роль Франческо Петрарки в формировании образа сомневающегося интеллигента / А. В. Романчук // Франческо Петрарка и европейская культура / отв. ред. Л. М. Брагина. — М. : Наука, 2007. — С. 92—96.

133. Роттердамский, Э. Афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс] / Э. Роттердамский. — Режим доступа : <http://www.aforismo.ru/authors/391/2/> — Дата доступа : 28.09.2012.

134. Роттердамский, Э. Оружие христианина-воина [Электронный ресурс] / Э. Роттердамский. — Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Erazm_rubin.php. — Дата доступа : 26.01.2010.

135. Роттердамский, Э. Похвала глупости [Электронный ресурс] / Э. Роттердамский. — Режим доступа : http://thelib.ru/books/rotterdamskiy_razm/pohvala_gluposti-read.html. — Дата доступа : 26.01.2010.

136. Роттердамский, Э. Философские произведения / Э. Роттердамский ; отв. ред. В. В. Соколов ; пер. и коммент. Ю. М. Каган ; Академ. наук СССР, Ин-т философии. — М. : Наука, 1986. — 703 с.

137. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер Ком, 1999. — 720 с.

138. Садлер, У. А. От одиночества — к аномии / У. А. Садлер, Т. Б. Джонсон // Лабиринты одиночества / пер. с англ. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. — М. : Прогресс, 1989. — С. 21—51.

139. Свежавски, С. Святой Фома, прочитанный заново / С. Свежавски. — Символ [Электронный ресурс]. — № 33. — 1995. — Режим доступа : <http://www.ligis.ru/psylib/090417/books/swezh01/index.htm>. — Дата доступа : 15.05.2012.

140. Современная психология : справочное рук-во / И. О. Александров [и др.] ; под ред. В. Н. Дружинина ; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. — М. : Инфра-М, 1999. — 687 с.

141. Соколова, Э. А. Психологические проблемы человека и социальной группы / Э. А. Соколова. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. — 232 с.

142. Соколов, В. В. Европейская философия 15—17 веков : учеб. пособие для филос. фак. и отд-ний ун-тов / В. В. Соколов. — М. : Высш. шк., 1984. — 448 с.

143. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. — М. : Политиздат, 1992. — С. 425—504.

144. Тарнас, Р. История западного мышления («Страсти западного ума») [Электронный ресурс] / Р. Тарнас. — Режим доступа : <http://www.ligis.ru/psylib/090417/books/tarna01/index.htm>. — Дата доступа : 22.12.2011.

145. Теплов, Б. М. Проблемы индивидуальных различий / Б. М. Теплов. — М. : Знание, 1961. — 536 с.

146. *Фанч, Ф.* Преобразующие диалоги / Ф. Фанч ; пер. с англ. — Киев : Д. А. Ивахненко, 1997. — 400 с.
147. *Февр, Л.* Бои за историю : сб. ст. / Л. Февр ; пер. с фр. — М. : Наука, 1991. — 629 с.
148. *Ферро, А.* Психоанализ : создание историй / А. Ферро ; пер. с англ. — М. : Класс, 2007. — 232 с.
149. *Флоренская, Т. А.* Диалог в практической психологии / Т. А. Флоренская. — М. : ИП РАН, 1991. — 312 с.
150. *Фрейд, З.* Леонардо да Винчи. Воспоминание детства [Электронный ресурс] / З. Фрейд. — Режим доступа : <http://lib.aldebaran.ru>. — Дата доступа : 19.03.2009.
151. *Фрейд, З.* Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд ; пер. с нем. — М. : Азбука-классика, 2005. — 224 с.
152. *Фромм, Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. ; общ. ред. и послесл. П. С. Гуревича. — М. : Прогресс, 1989. — 272 с.
153. *Фуко, М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; пер. с фр. — М. : Магистериум, Касталь, 1996. — 448 с.
154. *Фуко, М.* Жизнь : опыт и наука / М. Фуко // Вопросы философии. — 1993. — № 5. — С. 43—53.
155. *Хабермас, Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. — СПб. : Наука, 2000. — 380 с.
156. *Хант, М.* История психологии / М. Хант ; пер. с англ. А. В. Александровой. — М. : АСТ, 2009. — 863 с.
157. *Хейзинга, Й.* Осень Средневековья / Й. Хейзинга ; пер. с нид. — М. : Наука, 1988. — 544 с.
158. *Хейфец, М. Л.* Ханна Арендт : условия бытия человека на Земле / М. Л. Хейфец. — М. : ДААТ ; Знание, 2006. — 198 с. — (Земельная трагедия Западной цивилизации).
159. *Хоркхаймер, М.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно ; пер. с нем. — М. : СПб. : Медиум, Ювента, 1997. — 312 с.
160. *Цвейг, С.* Три мастера. Бальзак, Диккенс, Достоевский ; Триумф и трагедия Эразма Роттердамского / С. Цвейг ; пер. с нем. — М. : Республика, 1992. — 286 с.
161. *Чиксентмихайи, М.* Потоки : психология оптимального переживания / М. Чиксентмихайи ; пер. с англ. — М. : Смысл ; Альпина нон-фикшн, 2011. — 461 с.
162. *Чудновский, В. Э.* К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» психологии / В. Э. Чудновский // Психологический журнал. — 1999. — Т. 14. — № 5. — С. 3—12.
163. *Шаров, А. С.* Ограниченный человек : значимость, активность, рефлексия / А. С. Шаров. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. — 358 с.
164. *Шаров, А. С.* Психология переживания : природа, механизмы, феномены / А. С. Шаров // Мир психологии. — 2004. — № 1. — С. 214—226.
165. *Шилков, Ю. М.* Психология культуры и историческое познание / Ю. М. Шилков // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. — СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — Вып. 5. — С. 309—323. — (Мыслители).
166. *Шкуратов, В. А.* Историческая психология / В. А. Шкуратов. — М. : Смысл, 1997. — 505 с.
167. *Шпет, Г. Г.* Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. — СПб. : Алетейя, 1996. — 156 с.
168. *Шпет, Г. Г.* Искусство как вид знания : собр. труды по философии культуры / Г. Г. Шпет ; отв. ред. сост. Т. Г. Шпегина. — М. : РОССПЭН, 2007.
169. *Шпет, Г. Г.* Сочинения / Г. Г. Шпет. — М. : Правда, 1989.
170. *Шульц, П.* Философская антропология [Электронный ресурс] / П. Шульц. — Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/shults01> — Дата доступа : 18.11.2009.
171. *Ясперс, К.* Гуманистическая психотерапия : рационально-эмоциональный подход / К. Ясперс ; пер. с англ. — СПб. : Сова ; М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. — 272 с.
172. *Эриксон, Э.* Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование / Э. Г. Эриксон ; пер. с англ. А. М. Каримского. — М. : Медиум, 1996. — 560 с.
173. *Юнг, К.* Воспоминания, сновидения, размышления / К. Г. Юнг ; пер. с нем. — Киев : AirLand, 1994. — 405 с.
174. *Ярошевский, М. Г.* Идеи Б. М. Теплова о переживании как феномене культуры / М. Г. Ярошевский // Вопросы психологии. — 1997. — № 4. — С. 63—75.
175. *Ярошевский, М. Г.* История психологии / М. Г. Ярошевский. — 2-е изд., перераб. — М. : Мысль, 1976. — 463 с.
176. *Ясперс, К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М. : Политиздат, 1991. — 527 с.
177. *Ясперс, К.* Цитаты и афоризмы [Электронный ресурс] / К. Ясперс. — Режим доступа : <http://cpsy.ru/cit1221.htm>. — Дата доступа : 18.09.2010 г.
178. *Bruner, J.* Acts of meaning / J. Bruner. — Cambridge : Harvard University Press, 1990. — 179 p.

Научное издание

Жеребцов Сергей Никифорович

**ПСИХОЛОГИЯ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЛИЧНОСТИ
В ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ
Античность, Средневековье, Возрождение**

Главный редактор *М. А. Дыгун*

Художник обложки *Н. М. Кособуцкая*

Компьютерная верстка *М. В. Тычинина*

Корректор *М. В. Тычинина*

Подписано в печать 29.03.2013. Формат 60х84/16. Бумага офсетная № 1.

Ризография. Усл. печ. л. 10,73. Уч.-изд. л. 12,53. Тираж 100 экз. Заказ 74.

Издатель и полиграфическое исполнение: ОДО «Образовательная компания
«Содействие». ЛИ № 02330/490 от 14.04.2010. Ул. Пушкина, 32, 247760, г. Мозырь.

Тел.: 8 (0236) 32-40-67, 32-97-81, 32-47-91. E-mail: oks_rig@mail.ru